

1913
Frankf.
Tolstoj, L.
„BEDENKEN SIE SICH!“ von Leo Tolstoj.
Aufsatz über den russisch-japanischen Krieg.
Preis: 1,25 Mark, 60 kop.

U22
T65
1904

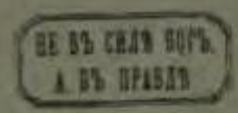
Chalmers

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

„ОДУМАЙТЕСЬ!“

Oduмайtes'!
Статья по поводу русско-японской войны.

«Нынче ваше время и власть тьмы».
(Лука, гл. XXII, ст. 53.)



Издание „Свободного Слова“

№ 91.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1904.

Generalvertretung Eugen Diederichs. Leipzig.

„RAVISEZ VOUS!“ par Léon Tolstoy.
Sur la guerre russo-japonnaise.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.
„ОДУМАЙТЕСЬ!“

Статья по поводу русско-японской войны.

«Нынѣ ваше время и власть тьмы».
(Лука, гл. XXII, ст. 53.)

НЕ ВЪ СЛѢ ВОГЪ.
А ВЪ ПРАВДѢ

Издание „Свободнаго Слова“

№ 91.

А. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1904.

АНТИС

О СТАТЬЕ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО «ОДУМАЙТЕСЬ!» (Вступительный очерк)

«Одумайтесь!» – несомненная вершина толстовской антивоенной публицистики и одно из лучших его публицистических выступлений за весь период его христианского проповедания 1880-1900-х гг.

Из этой статьи трудно даже выбирать что-то для цитирования, дабы подчеркнуть её не только литературные достоинства в системе идей и образов, но и главное для публицистического сочинения: её актуальность для дня сегодняшнего, в частности – для нас и для современной ситуации в путинской России – с её массовым оболванением населения «православным» лжехристианством, благословлявшим искони правительства и военщину; с военно-патриотическим «воспитанием» (одурением и развращением!) детей и малодумающих людей; с её бандюжьей циничностью; с криминализацией и милитаризацией массового сознания, вышедшими на новые «высоты» с момента преступной аннексии Чекистской Молью Обыкновенной законно украинского Крыма и началом подлой затяжной агрессии в отношении Украины (а непосредственно сейчас, в декабре 2016 года – и убийством мирных людей в Сирии).

Статью нужно – ЧИТАТЬ. Читать ЦЕЛИКОМ, а не так, как она подавалась массовому читателю в СССР: отрывками, урезками или вовсе с неоговоренными цензурными изъятиями.

И читать статью надо так же, как она писалась: с сердцем, открытым добру и Божьей истине и с мозгами, незамусоренными мирской ложью, оправдывающей насилие правительств и ложь церквей.

На этом – ПОЧТИ всё об актуальности этой статьи для нас, в нашем приближающемся 2017-м году. Дабы не превращать исследовательский очерк в политический памфлет, ниже буду говорить больше о другой эпохе, о восприятии статьи её современниками, а также о той её актуальности, которую она имела для самого старца Льва: РЕЛИГИОЗНОЙ.

Ибо, вопреки всему лживому толстОЕДению времём СССР, смеем утверждать, что лучшие «антивоенные» публицистические выступления Льва Николаевича – отнюдь не против «буржуазного милитаризма» направлены, а против БЕЗВЕРИЯ лжехристианского мира (и России в том числе, примкнувшей к нему ещё в конце Х века, при «святом» Красном Солнышке Воване князе). Ключевые смыслы статьи – РЕЛИГИОЗНЫЕ. Это взгляд даже не просто исповедника Христова, каким является Лев в своих даже менее сильных работах, а – пророка и апостола в отношении народов всего «цивилизованного» мира.

* * * * *

К началу 1890-х гг. сформировались и начали действовать два основных импульса, побудивших Л.Н. Толстого к антивоенным выступлениям в печати: один – внутренняя, духовная потребность в вере, не замутнённой обличёнными

им в 1880-х церковными лжеучениями, другой – картины российской действительности: жизни гваздающихся в нищете и невежестве, грязи, а часто и в крови трудовых и военных рабов имперских «элит».

Третий импульс поступал вместе с газетами, брошюрами, с которымизнакомился Толстой и в которых отразился всплеск милитаристских настроений, наблюдавшийся в Европе в последней четверти XIX века. В условиях активации военных приготовлений среди рабов и слуг господствующей лжехристианской цивилизации распространялись, как чумная зараза, искусно подновлённые теории, выискивавшие «великий общенациональный смысл» войны, её «божественное происхождение», её якобы благотельное влияние на исторический прогресс и даже на нравственность человека.

Ответом Л.Н. Толстого на такие идеологические инвазии в массовое сознание стал написанный в период с июня 1890 по май 1893 г. трактат «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание».

Да, трактат исключительно плох по логике и структуре, растянут и местами неубедителен... но он всё равно шедеврален – по ИДЕЙНОМУ СОДЕРЖАНИЮ, ОБРАЗНОМУ СТРОЮ и по ИСКРЕННОСТИ!

Очень глубокой, серьёзной и злободневной является, к примеру, идея трактата о необоснованности и неразумности колоссальнейших денежных и людских трат человечества на армии, вооружения и войны. Одних лишь денежных сумм, спускаемых в военную прорву, было бы достаточно «для воспитания народа и совершения самых огромных работ для общественной пользы», для того, чтобы иметь «возможность миролюбиво разрешить социальный вопрос» (Толстой Л.Н. Избранные философские произведения. М., 1992. – С. 266-270).

Не в этом ли истинное «непротивление злу насилием», противостоящее пассивному «подставлению щеки»? Разве не хватило бы денежных сумм и человеческих ресурсов, истраченных правительствами стран «цивилизованного» мира в XIX и XX вв. на военное насилие, огромные армии, их вооружение, боевые действия и устранение их последствий, - разве не хватило бы их на такое преображение мира, которое позволило бы XX-му, и теперь уже XXI-му векам не страдать от зол фанатизма, невежества, неравенства, преступности, терроризма?

Тот же самый терроризм от «исламского радикализма». Его ведь европейская и американская правительственная сволота, вкупе с военщиной – и породили, и вооружили, и обучили! Подтолкнули уже много веков назад чистую, более молодую, чем христианство, религию Мохаммеда – врать от имени Бога, оправдывая и казни, и военные убийства. Если бы перед глазами мусульман веками были не спонтанно-чувственные полуживотные, стремящиеся грызться с себе подобными за территорию и трофеи, а ИСТИННЫЕ христиане, соблюдающие Нагорную проповедь, особенно закон любви к врагам и непротивления – разве не пришли бы к жизнепониманию Христа и эти, «варварские», народы?

А кто вооружил современных убийц от имени извращённого ислама? Да те же, кто вооружал веками СВОИХ убийц, благословляемых попами извращённого христианства!

И эта развращённая обжорством и педерастией сволочь теперь стремится оправдать всякие «меры безопасности» и свои «контртеррористические операции» по всему миру – опять же средствами оружия и убийства, не по Христу, а по сатане!

Трактат Толстого во многом перекликается своим идейным содержанием и с его же «Carthago delenda est» 1898 года, и с «Одумайтесь!», и с более поздней статьёй с библейским названием – «Конец века» (1906). В последней только

представители не исламского мира, а японские самураи названы теми, кому суждено наказывать лжехристиан за их многовековое самоуверенное отступничество от первоначального учения Христа. Японцы быстро смогли освоить и европейское оружие, и европейские же приёмы ведения войны, и главное: европейскую ЛОЖЬ РЕЛИГИОЗНУЮ, которой сподручно оказалось извратить и буддийское учение (эта тема затронута и в статье «Одумайтесь!»). Японцы стали сильны – а Европа с Америкой и ошибочно, губительно примкнувшей к ним России – ослабляют себя уже тем, что массово потеряли доверие церковной лжи и остались совсем без веры – руководительницы поступками.

Уже в трактате, а позднее и в статье «Одумайтесь!» и ряде других Толстой цитирует ряд авторов, разоблачая выразившуюся у них демагогию правительств, разглагольствующих о мире и одновременно, якобы для «обеспечения» этого мира, «безопасности», увеличивающих вооружения и военные расходы – в ущерб истинным нуждам обитателей их государств (Там же. - С. 266-270). Эта идея правительственного обмана также сохранила свою актуальность: по сей день любая «мощная» держава унитарного или латентно-имперского типа (США, Китай, Израиль, Россия...) – это хищник, заботящийся более всего о длине и остроте своих зубов и когтей (а вдруг у «врага» уже длиннее?). Этот инстинкт обезьяны, которой с палкой уютнее, чем без палки и приводил (и по сей день приводит) малые и большие сообщества людей к взаимному недоверию и неизбежным конфликтам за раздел и передел того, что совместно и хищнически отобрано ими у природы.

При этом даже сами «власть имущие» во времена Толстого не раз с циничной откровенностью признавались, что войска, заботу о которых они ставят превыше всего, нужны им не столько в периоды кровавого международного самоистребления «человека разумного», сколько в мирное время, для действий против собственных угнетённых народов (Там же. С. 296-297) – т.е. для обеспечения функционирования собственного «государства», собственного разбойничьего гнезда, устроенного для системно организованного отъёма нетрудовой халявы у людей трудового народа. Ведясь на собственные первобытные витальные фобии (ожидая страшных «врагов» извне), «простые граждане», т.е. большинство обитателей каждой гостерритории, издревле попали в безвыходную психологическую, а следом и экономическую и политическую, зависимость от своих же правителей, якобы защитников, а не от этого внешнего врага, которым пугают их эти правители (Там же. С. 294).

Любой же закон избранных ими (на выборах «честных и прозрачных», ясный пень!) законодателей оборачивается против них уже тем, что плодит не только коррупционный «криминал у власти», но и преступников, бунтарей, террористов, мошенников, убийц, прошедших прекрасную «школу ненависти» -- развращение заразительным примером правительственных людей, не только распиливающих бюджетные баблосы, но и распределяющих между нижестоящими ответственность за участие убийстве сограждан таким образом, чтобы молчала совесть каждого из них, от генерала до солдата (23, 332; 55, 189-191).

Другая важная тема трактата «Царство Божие внутри вас», нашедшая своё развитие и раскрытие в статье «Одумайтесь!» – это тема ПОДЛОСТИ ПОВИНОВЕНИЯ граждан, военных рабов своего государства, обманывающей и губящей системе.

Воинская всеобщая повинность, принятая народами России, обязательная служба в войске, по мысли Толстого, есть предел не только государственного деспотизма, но и рабского повиновения граждан, ибо она требует отречения от всего, что должно быть дорого и свято и христианину, и всякому разумному

человеку и «разрушает все те выгоды общественной жизни, которые она призвана хранить» (Там же. – С. 298-299, 318-319).

Проследивая конкретно-историческую детерминанту всеобщей воинской повинности среди цивилизованных христиан, писатель говорит о ней как о неизбежности в условиях нарастающего военного противостояния держав. Одна за другой, они ввели всеобщую воинскую повинность, и «сделалось то, что все граждане стали угнетателями самих себя» (Там же. – С. 298).

Иллюстрацией, доказывающей справедливость этого тезиса, стало для Л.Н. Толстого событие, описанное в главе 1-й заключения к трактату. 9-го сентября 1892 года на станции Узловая Сызранско-Вяземской железной дороги писатель встретился с карательным отрядом, направлявшимся, под руководством тульского губернатора Н.А. Зиновьева, для наказания крестьян, не давших своему помещику рубить лес, мошеннически отнятый у них (Там же. – С. 361-362). Льва Николаевича справедливо возмутила не столько несправедливость самого наказания, сколько та лёгкость, то нравственное безразличие, с которыми чиновники, офицеры и солдаты готовились совершить истязание «голодных и незащищенных, тех самых людей, которые кормят их» (Там же. – С. 369).

Эта вызывающая к дремлющей совести «паразитов» проблема неуважения к правам и человеческому достоинству своих кормильцев, поднятая Л.Н. Толстым ещё в слове «Так что же нам делать?», развитая им в гениальных работах «Голод или не голод?», «Неужели это так надо?» и «Стыдно», по всей видимости, не скоро утратит свою актуальность. Пока «мирные народы» покойно «пасутся», не помышляя о своём праве на свободу, честь, достоинство, -- до тех пор послушное стадо можно «стричь» (налогами), «резать» (войнами), да ещё и обманывать тем, что иначе нельзя и прожить стаду. Но как только традиционные неуважение, насилие и обман встречают отпор, как только стадо становится ОБЩЕСТВОМ людей, знающих о своих человеческих правах, о естественности своего равенства с самозванными распорядителями их судеб, все эти люди обречены становиться жертвами насилий и обмана. А убивать их будут такие же, в прошлом, простые люди, но загнанные уже в рабство военной, полицейской службы (как и в казачьё или «национальных гвардейцев» – дело не в названиях!). С болью и гневом пишет Л.Н. Толстой, что, подобно тому «как из гнилых и кривых брёвен, как ни перекладывай их, нельзя построить дом, так из таких людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Из таких людей может образоваться только стадо животных, управляемое криками и кнутами пастухов» (Там же. – С. 318).

Это патетическое и эмоциональное место не случайно перекликается с пушкинским стихотворением «Свободы сеятель пустынный...»: как и это стихотворение одного из немногочисленных поэтов, признанных Толстым, заключение писалось в период утраты автором обычных надежд, в том тяжёлом состоянии души, которое преследовало его периодически всю жизнь. Кроме того, пушкинские образы, настроения, понятие свободы и чести всегда были близки Толстому... Хотя в понятие свободы Толстой вкладывает высший, нежели у Пушкина, подлинно-христианский смысл. Вот хорошее его определение свободы, доступное пониманию и приятию уже проснувшихся и одумавшихся: «...Свобода – не та фантастическая свобода, которую проповедуют сторонники насилия, а та единая, истинная свобода, которая состоит в том, что каждый человек может жить и поступать по собственному рассуждению, платить или не платить подати, идти или не идти на службу, дружить или враждовать с соседним народом, что такая настоящая свобода не совместима с какой-либо властью одних людей над другими» (35, 205).

То есть: свобода есть отсутствие «клепещевого» стеснения человека: с одной стороны – атавистическими животными фобиями и поведенческими

программами, с другой – паразитирующими на них, грабящими и врущими попами, толстосумами, военщиной и правительствами.

ДА, это «похоже на анархизм». Но именно, что только ПОХОЖЕ. На деле Толстой не отрицал никогда власти: ни власти Бога над людьми, ни даже земной власти человека над человеком, основанной на качестве и полноте социально-ценных знаний, на авторитете, приобретённом заслугами успешного и талантливого высокоэффективного социоменеджмента и – нравственным, искренно-добрым, любовным отношением к подвластным как к ближним и РАВНЫМ. Ударам его критики справедливо подвергалась только «государственная» власть разбойничьих гнёзд, сущность которой во все века была и остаётся неизменной: авторитет силовой санкции, принуждения, совершаемого с помощью послушных вооружённых прислужников «верхушки», и в основном – в отношении собственных граждан, угнетённых и ропщущих...

Особенно интересна, как образная и идейная предшественница «Одумайтесь!», статья «Христианство и патриотизм» (окт. 1893 – март 1894), написанная Львом Николаевичем под впечатлением от франко-русских демонстраций, проходивших в октябре 1893 г. по случаю заключения франко-русского союза и прибытия в Тулон эскадры русских военных кораблей.

Из официальных газет можно было почерпнуть сведения о съеденных на празднестве кушаньях и произнесённых речах. Со смачным сарказмом Лев Николаевич отмечает, что меню было явно разнообразнее речей о любви к миру, царю, президенту и начальнику эскадры одновременно – и всё это под музыку гимнов двух государств, один из которых, российский, прославляет царя, а другой, французский, «проклинает всех царей и обещает им скорую гибель» (39, 32).

Ложь официальных особ, в которую они, видимо, уверовали сами, шовинистический дурман, массовость «психопатической эпидемии», охватившей сотни тысяч рядовых участников торжеств и манифестаций (Там же. С. 34-36) – всё это не могло не возмущать Толстого. Самое страшное, подчёркивал писатель, то, что среди помешанных есть люди, имеющие деньги и власть для распространения своего помешательства по миру (Там же. С. 38). Между тем военные приготовления идут, деньги на вооружения тратятся миллиардами и миллионы людей уже находятся под ружьём и в России, и во Франции. Вот почему, по глубокому убеждению Толстого, неизбежно вся эта игра в мир и любовь рано или поздно окончится новым правительственным призывом к войне (Там же. С. 41).

Далее Толстой, прибегая к излюбленному им и явившемуся во всех его лучших статьях соединению художественного и публицистического начал, набрасывает поистине жуткую (но и пророческую!) картину:

«Зазвонят в колокола, оденутся в золотые мешки долговолосые люди и начнут молиться за убийство <...>. Засуетятся, разжигающие людей под видом патриотизма, к ненависти и убийству, газетчики, радуясь тому, что получают двойной доход. Засуетятся радостно заводчики, купцы, поставщики военных припасов, ожидая двойных барышей. Засуетятся всякого рода чиновники, предвидя возможность украсть больше, чем они крадут обыкновенно, засуетятся военные начальства, получающие двойное жалованье и рационы, и надеющиеся получить за убийство людей высокоценимые ими побрякушки – ленты, кресты, галуны, звёзды. Засуетятся праздные господа и дамы, вперёд записываясь в Красный Крест, готовясь перевязывать тех, которых будут убивать их же мужья и братья» (Там же. – С. 46 – 47).

Миллионы, каждый против своей разумной воли, будут втянуты скопом в новую бойню. А итог всегда один:

«...Опять одичают, остервеенеют люди, и уменьшится в мире любовь, и наступившее уже охристианение человечества отодвинется на десятки, сотни лет.

И опять те люди, которым это выгодно, с уверенностью станут говорить, что если была война, то это значит то, что она необходима, и опять станут готовить к этому будущие поколения, с детства развращая их» (Там же).

(Это нам НЕОБХОДИМО было процитировать почти целиком. В статье «Одумайтесь!», читатель встретит практически автоцитирование: этот же отрывок, изложенный Толстым значительно короче.)

* * * * *

Но безумные, обманутые и обманывающие себя люди так и не вняли ни в 1890-е годы, ни в начале 1900-х доводам яснополянского учителя. И вот в 1904 году ими разжигается одна из жесточайших войн, хотя и не очень продолжительных, война Японии с Россией. Можно понять весь ужас и горечь, испытанную Львом Николаевичем при возникновении этой бойни.

27 января он записывает в своём дневнике:

«Война, и сотни рассуждений о том, почему она, что она означает, что из неё будет и тому под. Все — рассуждающие люди, от царя до последнего фурштата. И всем предстоит, кроме рассуждений о том, что будет от войны для всего мира, ещё рассуждение о том, как МНЕ, *МНЕ*, **МНЕ** отнестись к войне? Но никто этого рассуждения не делает. Даже считает, что не следует, что это не важно. А схвати его за горло и начни душить, и он почувствует, что важнее всего для него его жизнь, и эта жизнь — его «я». А если важнее всего эта жизнь, его «я», то кроме того, что он журналист, царь, офицер, солдат, он — человек, пришедший в мир на короткий срок и имеющий уйти по воле Того, Кто его послал. Что же для него важнее того, что ему делать в этом мире, — очевидно, важнее всех рассуждений о том, нужна ли и к чему поведёт война. А делать по отношению войны ему очевидно что: не воевать, не помогать другим воевать, если уж не удержат их» (55, 10 - 11).

«Цивилизованный мир», опозоривший себя допущением этой бойни после всего сказанного против всех войн Толстым, знал, конечно, какой отпор встретит он во взглядах великого старца. Но именно поэтому-то печать, торгующая всеми принципами, цинически притворилась незнающею и... запросила у Л. Н-ча его мнение!

9 февраля 1904 года Лев Николаевич специально съездил верхом на лошадке в Тулу за телеграммами о войне. Среди прочих он получил телеграмму из Филадельфии от большой американской газеты с вопросом: «за кого он — за русских, японцев или никого?» Ответ Толстого был следующий: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать против совести, религии и собственного благосостояния» (перевод с англ., 75, № 41).

Даже выращенным в религиозном обмане русским народом война с Японией принята была как истинное бедствие, и мало можно было найти людей, которые шли на войну с охотой и воодушевлением. Напротив, во многих местах России наблюдались случаи прямого сопротивления. Дух протеста против солдатского рабства в первый раз дал себя серьёзно почувствовать. И прекрасно, что немалую роль в этом протесте сыграло распространение сочинений Л. Н. Толстого!

Замечательный и по сей день лучший биограф Льва Николаевича, его друг и единомышленник Павел Иванович Бирюков, приводит такое свидетельство: некий «епископ» церковного лжехристианства Иннокентий, живший в Дальнем, в своей статье по поводу японской войны прямо упрекает офицеров в практическом исповедании ими учения Христа:

«Наблюдая, — пишет епископ Иннокентий, — картины из местной военной жизни и слыша весьма часто из уст офицеров толстовскую мораль касательно войны, невольно приходится удивляться, как может армия при таких условиях справиться со своими великими задачами... Носить военный мундир и быть поклонником толстовского учения — это похоже на то, как если бы человек, оснастивши корабль и выйдя в открытое море, отказался бы от целесообразности своего плавания» (Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого. — В 4-х тт., в 2-х кн. — Кн. 2. — М., 2000. — С. 464).

Конечно, г-н «епископ» здесь в своём церковном амплуа: он ЛУКАВИТ, т.е. служит лукавому, дьяволу. Он не может не понимать, что его сравнение некорректно: если рыбака, к примеру, влечёт в море необходимость привычного им, и притом мирного, промысла, то надевать на себя особенный казённый наряд с шутовскими нашивками, побрякушками и т.п. (военный, полицейский, чиновничий...), называть себя особенными кличками (солдата, полиция, министра, прокурора...), вооружаться орудиями, адаптированными для человекоубийства — людей влечёт, главным образом, принятый ими на веру мирской обман, который поддерживают и единоверцы г-на «епископа»...

Таким образом, сила влияния Л. Н-ча уже на первых порах войны ослабляла удар встретившихся врагов.

Разумеется, многие люди, чуявшие духовную мощь Толстого, ждали от него оценки мировых событий. Ждали что он скажет по поводу войны России с Японией. Ждали этого многие, но у немногих хватило храбрости или бесстыдства задать этот вопрос самому Льву Николаевичу. Один из первых решился на это известный французский литератор и публицист Жюль Кларетти. Он поместил в газете «Le Temps» пространное открытое письмо ко Льву Николаевичу. Тон этого письма довольно легкомыслен и свидетельствует о заведомом отказе вопрошающего понять должным образом и принять идейный «фундамент» того, кого он вопрошает. Но вопрос поставлен всё же довольно остроумно, с нагловатой дотошностью, свойственной журналюгам вообще, а французским в особенности. Интересно даже то, как Жюль Кларетти отражает в себе мнение о Толстом европейской интеллигентской шелкопёрной сволочи.

«Вы по вашему способу евангелизировали мир, вы преподали ему мораль сострадания и прощения, которая не всегда признавалась последователями других культов, но которая внесла в сердца людей истинное учение Христа. И вы действительно христианин, потому что прилагаете к жизни то, о чем другие только говорят. Вы ненавидите ненависть. Вы воюете с войной. Вы грезите о братстве, о мире, о добре между людьми, которые должны наконец ввести человечество в обетованную землю, к которой столетиями шли поколения за поколениями длинной вереницей, усеивая путь свой костями. Одним словом, вы — один из тех пророков, которых утешают несчастных, и когда вы нам указываете в небе звезду, которую вы уже увидели, а мы ещё нет, путь наш нам кажется менее трудным, бремя жизни кажется более лёгким, и мы верим в будущее».

Продолжая и далее щедро расточать подобные эпитеты, он говорит наконец:

«Вполне естественно, что мы именно у вас спрашиваем, что думаете вы, дух которого возвышается над другими, что думаете вы о совершающихся событиях, которые, к сожалению, теперь владеют людьми и опрокидывают все их стремления».

«Вы видите, дорогой и великий учитель, — кончает так свою статью Жюль Кларетти, — человек есть игрушка событий. Монарх искренно хочет мира, а его заставляют вести войну. Народ стремится к покою — его будят пушечные выстрелы. Великое слово «разоружение» брошено в мир, а вооружённые флоты пробегают океаны, и границы щетинятся штыками. Пророк добра, вы поучаете людей жалости, а они отвечают вам, заряжая ружья и открывая огонь! Не смущает

ли это вас, несмотря на твёрдость ваших убеждений, и не разочаровались ли вы в человеке-звере? Вот это-то я и хотел бы услышать от вас, дорогой и великий учитель!» (Цит. по: Бирюков П.И. Указ. соч. Кн. 2. – С. 463 - 464).

И как бы во исполнение этого страстного желания слушать слово Толстого, другой француз, сотрудник газеты «Figaro» Жорж Анри Бурдон, притащился лично в Ясную Поляну, чтобы выспросить у Льва Николаевича его мнение. Он вызвал Толстого на длинные беседы, изложение которых составило у него целую книгу («En écoutant Tolstoï. Entretiens sur la guerre et quelques autres sujets», Paris, 1904); но перед этим он печатает статью в «Фигаро», где вкратце передаёт сущность своего разговора. По ним видно, что Лев Николаевич, действительно, с напряжением следил за военными событиями на Дальнем Востоке. Жорж Бурдон так рассказывает о своей встрече с Толстым.

«Он первый заговорил о войне. «Какие новости? — спросил он и потом добавил: — Как же не интересоваться таким столкновением! Как грустно слышать об этих боях между людьми!»

Я возражал ему, — говорит Бурдон, — что в этой войне происходит борьба двух рас и спросил его: что он думает о последствиях победы той или другой расы. «А какое мне дело до рас? — ответил Толстой, — я не делаю никакого различия между ними. Я стою за человека. Что же может выйти хорошего для человека из этой войны? Беда в том, что война указывает нам на полное забвение человеческих обязанностей. Над обязанностями к семье, к отечеству, к человечеству есть ещё обязанности к Богу, если вы позволите мне употребить это слово. Если оно вам не нравится, то скажем — обязанности ко Всему, с большим В. Это Всё, что я называю Богом, не подлежит оспариванию. Что бы я ни думал, я не могу избежать мысли, что я принадлежу к чему-то целому, что я составляю часть какой-то общей гармонии. Сознание моего отношения к этой гармонии обыкновенно называют религиозной идеей. И люди забывают эти основные истины. Не читая Евангелие, эту превосходную книгу, они коснеют в варварстве. И вот они втягиваются в войны, забывая, что первая обязанность мыслящего существа — это прекратить убийство!» (Бирюков. Там же. С. 464).

После нескольких наивных вопросов, на которые Лев Николаевич отвечал, смеясь, Бурдон, этот хитрый ходячий бурдюк под камамбер и бургундское, спросил его, наконец, в открытую: «В эту минуту, когда решается судьба России, вы, русский, что бы вы ни думали о войне, не делаете ли вы теперь какой-либо оговорки, — я не говорю о ваших принципах, но об их практическом приложении, об их распространении?»

«Никакой оговорки, — ответил Л. Н-ч, — но нужно быть искренним, — прибавил он улыбаясь. — В глубине души моей я не чувствую себя вполне свободным от патриотизма. Вследствие атавизма, воспитания я чувствую, что вопреки моей воле он ещё сидит во мне. Мне нужно призвать на помощь разум, вспомнить высшие обязанности, и тогда я без всякой оговорки ставлю выше всего интересы человечества. Да, моё сознание говорит мне, что убийство, в какой бы форме оно ни проявилось, каким бы поводом ни прикрывалось, всегда отвратительно. Что война есть чудовищный бич, и всё, что подготавливает её, подлежит осуждению» (Там же. С. 464 - 465).

Бурдон, несмотря на всю свою тупость, в ужасе отшатнулся от идеи, поданной ему Толстым: взять лежащий на обеденном столе нож и немедленно зарезать игравшую подле беседующих взрослых маленькую внучку Льва Николаевича. Ибо это, как тут же ликующе подчеркнул Толстой — нравственно невозможно. Даже для европейца. Даже для журналиста. Даже для Бурдона. И тут же добавил: «Если бы только христианское сознание лежало в основе души человека, ему бы так же стало невозможным взять в руки ружьё и идти убивать своих ближних!» (Там же. С. 465).

Бурдон предпочёл убраться восвояси: ответ Л. Н-ча на поставленные ему вопросы был достаточно ясен... и наверняка стал острейшим, незабвенным впечатлением на всю жизнь! Но для самого Льва Николаевича одного «съеденного» французишки было мало, и он решил высказаться на весь мир и во всю силу своего слова и своего духа – и написал статью «Одумайтесь!».

Общение с сукой Бурдоном оставило, вероятно, неприятный осадок у Толстого, выразившийся в черновиках статьи «Одумайтесь!» таким, например, пассажем в адрес всех его коллег:

«Одумайтесь вы, многоречивые и лживые писаки-журналисты. Если вам нужны рубли, которые вы добываете своею ложью и возбуждением вражды между людьми, то лучше идите грабить на большую дорогу: вы, убивая богатых и отнимая у них деньги, будете менее преступны, чем теперь, сидя дома и возбуждая вашими гадкими речами людей к вражде и всякого рода злодействам» (55, 608)

Сравним с записью в это же время в Дневнике Толстого: «Какое праздное занятие наша подцензурная литература! Всё, что нужно сказать, что может быть полезно людям в области внутренней, внешней политики, экономической жизни и, главное, религиозной, все, что разумно, то не допускается. То же и в деятельности общественной. Остаётся забава детская. “Играйте, играйте, дети. Чем больше играете, тем меньше возможности вам понять, что мы с вами делаем”» (55, 6 - 7).

«Детской забавой» осознаёт Толстой и деятельность российских либералов, их по-интеллигентски подлое отношение к правительству: «И отношение это может быть двоякое: или правительство есть необходимое условие порядка, и надо подчиняться и служить ему; или признать то, что я признаю и что нельзя не признать, что правительство есть шайка разбойников, и тогда надо, кроме того что стараться просветить этих разбойников, убедить их перестать быть разбойниками, самому выгородить себя, насколько это возможно, от участия с этими разбойниками и в пользовании их добычей. Главное – не делать то, что делают теперь либералы: признавать правительство нужным и бороться с ним его же орудиями. Это детская игра».

Л. Н-ч долго работал над этой статьёй. Уже 19 февраля в Дневнике появляется такая запись:

«Всё время пишу о войне. Не выходит ещё. Здоровье недурно. Но с некоторых пор сердце слабо. Никак не могу приветствовать смерть. Страха нет, но полон жизни и не могу» (55, 13).

Отсылая В. Г. Черткову прибавления и поправки к статье, Толстой писал ему 28 апреля 1904 г.: «Статья эта вышла как-то круто заострённая, оттого что я писал статью о том, что все бедствия людские от отсутствия религии, и уже довольно подвинулся в этой статье, когда началась война, представлявшая мне иллюстрацией моей мысли. От этого я соединил две темы, и, пожалуй, ни одна не обработана достаточно» (36, 604).

(Первая тема разрабатывалась Толстым в статье о значении религии «Камень главы угла» (1903), завершённой под заголовком «Единое на потребу»).

Итак, у Толстого тема войны встретилась с темой религии. В дальнейшем работа над специальной статьёй о религии на время была отложена и Толстой всецело занялся статьёй, которая с самого начала получила заглавие «Одумайтесь!» и которую сам Толстой в Дневнике и переписке называет «О войне».

Вопреки жалобам автора, последняя редакция статьи подписана им уже 8-го мая. В конечном варианте многие резкие слова и эпитеты Толстым были устранены, зачёркнуты все личные имена: «Вы, кто затеял это дело: и Николаи, и Безобразовы, и Витте, и Суворины, и Меншиковы».

Вместе с тем писатель сомневается: «Читаю газеты, и как будто все эти битвы, освящения штандартов так тверды, что бесполезно и восставать, и иногда думаю, что напрасно, только вызывая вражду, написал я свою статью, а посмотришь на народ, на солдаток, и жалеешь, что мало, слабо написал».

Статья вышла в издании «Свободного слова», в Крайстчерче, в Англии, в 1904 г. Редакция к её заглавию сделала подзаголовок: «Статья по поводу русско-японской войны». В том же году вышло второе популярное издание, предназначенное для народа и солдат, без эпиграфов, и третье, воспроизводящее первое, но устраняющее кое-какие его ошибки.

В России «Одумайтесь» вышло впервые в 1906 г. в издании «Обновление» отдельной брошюрой (конфискована). В 1911 г. статья напечатана в девятнадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого (том также конфискован).

* * * * *

Каждая глава статьи «Одумайтесь!» структурно распадается на две части. Первая часть представляет свод мнений различных мыслителей о войне. Вторая часть каждой главы представляет рассуждение Л. Н-ча на ту же тему. Структурным исключением стала заключительная глава: как и заключительная глава в трактате «Царство Божие внутри вас», она не была запланирована Толстым до последнего момента и стала его откликом на актуальнейшие события последних дней.

Л. Н-ч начинает свою статью выражением своего возмущения совершившимся фактом — объявлением войны:

«Опять война. Опять никому не нужные, ничем не вызванные страдания, опять ложь, опять всеобщее одурение, озверение людей.

Люди, десятками тысяч верст отделённые друг от друга, сотни тысяч таких людей, с одной стороны буддисты, закон которых запрещает убийство не только людей, но животных, с другой стороны христиане, исповедующие закон братства и любви, как дикие звери, на суше и на море ищут друг друга, чтобы убить, замучить, искалечить самым жестоким образом.

Что же это такое? Во сне это или наяву? Совершается что-то такое, чего не должно, не может быть, — хочется верить, что это сон, и проснуться.

Но нет, это не сон, а ужасная действительность».

Анализируя причины войны, Л. Н-ч приходит к заключению, что люди, заблудились на своём пути к благу, утратив религиозный ориентир в едином учении жизни, выраженном в основаниях всех величайших религий мира.

«Люди нашего христианского мира и нашего времени подобны человеку, который, пропустив настоящую дорогу, чем дальше едет, тем всё больше и больше убеждается в том, что едет не туда, куда надобно. И чем больше он сомневается в верности пути, тем быстрее и отчаяннее гонит по нём, утешаясь мыслью, что куда-нибудь да выедет. Но приходит время, когда становится совершенно ясно, что

путь, по которому он едет, никуда не приведёт, кроме как к пропасти, которую он начинает уже видеть перед собой».

Главное заблуждение состоит именно в отрицании религии, т. е. руководящего нравственного начала.

«Лишённые религии люди, — говорит Л. Н., — обладая огромною властью над силами природы, подобны детям, которым дали бы для игры порох или гремучий газ. Глядя на то могущество, которым пользуются люди нашего времени, и на то, как они употребляют его, чувствуется, что по степени своего нравственного развития люди не имеют права не только на пользование железными дорогами, паром, электричеством, телефоном, фотографиями, беспроволочными телеграфами, но даже простым искусством обработки железа и стали, потому что все эти усовершенствования и искусства они употребляют только на удовлетворение своих похотей, на забавы, разврат и истребление друг друга».

Особенно интересен ответ на вопрос, который часто задавали лукавцы Льву Николаевичу:

«Но как же поступить теперь, сейчас, — скажут мне, — у нас в России в ту минуту, когда враги уже напали на нас, убивают наших, угрожают нам; как поступить русскому солдату, офицеру, генералу, царю, частному человеку? Неужели предоставить врагам разорять наши владения, захватывать произведения наших трудов, захватывать пленных, убивать наших? Что делать теперь, когда дело начато?»

Но ведь прежде, чем начать дело войны, кем бы оно ни было начато — должен ответить всякий одумавшийся человек, — прежде всего начато дело моей жизни. А дело моей жизни не имеет ничего общего с признанием прав на Порт-Артур китайцев, японцев или русских. Дело моей жизни в том, чтобы исполнять волю Того, кто меня послал в эту жизнь. И воля эта известна мне. Воля эта в том, чтобы я любил ближнего и служил ему. Для чего же я, следуя временным, случайным требованиям, неразумным и жестоким, отступлю от известного мне вечного и неизменного закона всей моей жизни?

...На вопрос о том, что делать теперь, когда начата война, мне, человеку, понимающему своё назначение, какое бы я ни занимал положение, не может быть другого ответа, как тот, что какие бы ни были обстоятельства, — начата или не начата война, убиты ли тысячи японцев или русских, отняты ли не только Порт-Артур, но Петербург и Москва, — я не могу поступить иначе, как так, как того требует от меня Бог, и потому я как человек не могу ни прямо, ни косвенно, ни распоряжениями, ни помощью, ни возбуждением к ней участвовать в войне, НЕ МОГУ, НЕ ХОЧУ И НЕ БУДУ».

Да, всё верно, Лев Николаевич! Пока война не начата, есть и должно быть общее дело: беречься от войны всем, как берегутся люди от пожара. Не выставлять во власть и не терпеть во власти политической таких лидеров, которые не только могут не суметь урегулировать все спорные с другими правителями вопросы без войны, но могут сами втянуть своих сограждан в агрессивную авантюру. Блокировать в своих головах атавистические влечения стайно-территориальных агрессивных животных: не делить на разные государства и не метить территорию, не отнимать друг у друга общих благ Природы. Главное: не ставить авторитетными вожаками общества той лживой и лгущей от имени церкви и науки сволочи (попов и системных, казённо-дипломированных интеллигентов), которые, вместо помощи ближним в самосовершенствовании каждого в добре и

разумности – оправдывали бы ложью научной, журналистской, поэтической, писательской и – самой страшной! – религиозной следование людьми этим животным, атавистическим влечениям и поведенческим структурам вместо жертвенной борьбы с ними.

А если пожар войны всё же разгорелся – как и во всяком пожаре, нужно настаивать на правде не одними словами, но и делом: уводить себя от стихии и отманывать, даже утаскивать других. Спасать всех и всё, что можно спасти. Очунать и одумывать слабых и непробудившихся!

Люди, не имеющие мужества в отстаивании своих убеждений (ведь по отдельности-то каждый – против войны!), делают противное своему разуму и совести, «призывают Бога на помощь делу дьявола, на помощь человекоубийству», а, одержав вдруг важную в их глазах военную «победу», -- «благодарят за это кого-то, кого они называют Богом» (36, 106). Видя подобное отношение людей к основному делу жизни всех и каждого – служению Богу и ближнему, веку XX-му Толстой пророчит не только разорение государств в гонке вооружений, но и катастрофическое вырождение вследствие гибели лучших людей, нравственное падение и развращение (Там же. – С. 115).

Корень бедствия писатель видит, и справедливо, в утрате народами Европы и Америки религиозно-нравственной опоры – руководства в приложении к жизни научных знаний, дающих власть над природой. Л.Н-ч указывает на необходимость спасительного исполнения каждым человеком воли пославшего его в жизнь Бога-Отца во имя созидания Царствия Божия на земле, а следовательно – неучастия в делах насилия (Там же. – С. 131-134).

Да, именно такие усилия ведут к реализации замысла Божия о человеке, или, выражаясь в иной терминологии, к гармоничности и долговременности взаимоотношений человека с человеком и с природой в обозримом будущем. Л.Н. Толстой дерзал мечтать о человеке действительно Разумном, избавившемся от атавизма кланово-территориального животного. Он надеялся на то, что уже в XX веке настанет время, когда, наконец, «обманутые люди опомнятся и скажут: да идите вы, безжалостные и безбожные цари, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты и как вас там называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдём. Оставьте нас в покое пахать, сеять, строить, кормить вас же, дармоедов» (Там же. – С. 143).

Но не так думали устроители и распорядители российско-японской бойни. И главная вина и ответственность ложилась, конечно, не только на тех, кто непосредственно гнал людей на убийство, но и на тех, кто настолько извращал и по сей день извращает душу человека, что делает возможным подчинение людей самым нелепым требованиям.

Главная доля ответственности за войну лежит на светских и религиозных учителях, которые проповедуют детям и малодумающим людям патриотизм и подкрепляющую его ложную веру, извращая учения великих учителей человечества.

В русско-японской войне было столкновение двух религий – христианской и буддийской, одинаково запрещающих убийство. Мы знаем хорошо, как учителя лжехристианства «православия» извращали и извращают заповеди Христа в своих катехизисах и официальных проповедях и учебниках для школ. И вот, оказывается, точь-в-точь то же самое происходило в ту эпоху в Японии, которая уже «цивилизовалась» тогда достаточно для того, чтобы служители её государственной религии, буддизма, издают толкования на учение Будды, в которых доказывается, что хотя Будда и учил любви ко всем существам, но врагов – русских – убивать можно.

Лев Николаевич вынес эту стыдную историю из основного текста статьи в сноску. С тем большим удовольствием рассмотрим-ка её попристальней.

Влиятельный учёный монах, начальствующий над 800 монастырями, Сойен Шакю (1860 - 1919) в годы войны служил капелланом в армии Японии и открыто радовался её победе.

В одной из пропагандистских своих статей он «объясняет» своим самурайским лопаухим лохам, «что, хотя Будда и запретил убийство, но он же сказал, что он не будет спокоен до тех пор, пока все существа не будут соединены в бесконечном, любящем сердце» (пересказ Л. Н. Толстого в статье «Одумайтесь!»).

В статье кроме этого сказано от имени Будды: «"Тройной мир принадлежит мне. Все вещи в нём мои дети... Все они только отражения моего Я. Все из одного источника... Все части моего тела. Поэтому я не могу быть покоен до тех пор, пока малейшая часть существующего не будет доведена до своего назначения..."»

Таково отношение Будды к миру, и мы, его смиренные последователи, должны идти по его пути.

Почему же мы сражаемся?

Потому что мир не таков, каким должен быть, потому что есть извращённые существа, ложные мысли, дурно направленные сердца, вследствие невежественной субъективности. И потому буддисты никогда не перестанут воевать со всеми произведениями невежества, и война их продолжится до горького конца. (To the bitter end.) Они не помилуют. (They will show no quarter.) Они уничтожат корни, из которых вытекают несчастья жизни.

Чтобы достигнуть этого, они не пощадят своих жизней».

Дальше идут, такие же, как у «православных» брехотворцев, путанные рассуждения о самоотвержении и незлобivosti, переселении душ и многое другое... «Всё только для того, -- констатирует Лев Николаевич, -- чтобы закрыть ту простую и ясную заповедь Будды о том, чтобы не убивать.

Наконец, говорится: «Рука, поднятая для удара, и глаз, берущий прицел, не принадлежат личности, а суть орудия, которыми пользуется Начало, стоящее выше преходящей жизни» и т. д.

(«The Open Court», May, 1904. Buddhist Views of War. The Right Rev. Soyen Shaku).

Что тут сказать? Конечно, посоветовать каждому из таких седомудых обманщиков начать с СЕБЯ. Ибо именно ОНИ – главные извратители мышления и сердец людей, устремляющихся к миру и к добру. «Рука, поднятая для удара, и глаз, берущий прицел» – всегда были и будут не «превыше преходящей жизни», а много ниже её. Ибо «преходящая» мирная жизнь – тоже часть жизни вечной разума, и человек должен не отступать от её законов, подчиняясь низшим поведенческим программам первобытной животной природы. «Учитель» же Сойен Шакю – благословляет именно такую потачку неизжитой животности целых миллионов людей!

* * * * *

Лев Николаевич кончил было уже свою статью, когда получил интересное письмо; он записывает об этом в своём дневнике:

«8 мая. Нынче получил письмо от матроса из Порт-Артура:

"Угодно ли Богу или нет, что нас начальство заставляет убивать?"»

Есть это сомнение, и я пишу о нём, но знаю тоже, что есть великий мрак в огромном числе людей. Но, как Кант говорит, как только ясно выражена истина, она не может не победить все. Когда? — это другой вопрос. Нам хочется скоро, а у Бога 1000 лет как один час. Думается мне, что для того, чтобы кончились войны (и

с войнами узаконенное насилие), нужны вот какие исторические события: нужно 1) чтобы Англия и Америка были в войнах разбиты государствами, введшими общую воинскую повинность; 2) чтобы они вследствие этого ввели общую воинскую повинность, и 3) что тогда только все люди опомнятся».

Часть этого пророчества исполнилась. В первой мировой войне Англии угрожало поражение Германией. И Англия, а потом и Америка ввели обязательную воинскую повинность. Конечно, это значительно подвинуло дело мира. Все народы узнали все ужасы войны, рабство военное и ложь всякого патриотизма. С тех пор для всех очевидно, что только на обмане, подкупе или принуждении держится никому не нужный институт солдатчины, обслуживающий никому не нужные «великие» государства, существование которых, с свою очередь – только следствие уступки масс людей своим давно изжитым и ни на что в человеческой разумной жизни не нужным, атавистическим бессознательным животным программам.

И уже поэтому так важно и актуально всякое слово религиозного публициста – такое, как гениальная статья Л. Н. Толстого «Одумайтесь!» – служащая среди безумия войны духовным и информационным оружием, уничтожающим возможность победы для вредного хищника – такого, как Россия николаевская в годы русско-японской войны или как путинская Россия в наши дни.

Замечательный исследователь толстовского наследия, полковник Рик Мак-Пик, преподаватель в военной академии Вест-Пойнт (США), говорит об этом оружии всемирного добра так:

«Его (Толстого – Р.А.) философия войны и мира не оставляет камня на камне от традиционных критериев успеха в вооружённом конфликте, в том числе таких, как патриотизм, героизм и победа <...>. В УНИВЕРСАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ, ПРЕДЛОЖЕННОЙ ИМ <...>, когда люди выбирают насилие для решения какой-либо проблемы, проигрывают все, живущие на земном шаре. Для Толстого настоящая битва происходит в духовной сфере. Поэтому единственная приемлемая стратегия для ДУХОВНОГО ВОИНА – это отказ брать в руки оружие, а истинная мера победы – количество душ, спасённых от насильственной смерти. <...> Стоит ли удивляться, что редкие нации и индивидуумы откликнулись на громкий призыв к миру этого ВЕЛИКОГО ВОИНА» (Выделение наше. – Р.А.).

(Цит. по: Мак-Пик, Р. Толстой: боец за мир / Р. Мак-Пик // Лев Толстой и мировая литература: Материалы 5-й Международной научной конференции, проходившей в Ясной Поляне 12-16 августа 2007 г. – Тула, 2008. – С. 39-45).

Сам Л. Н-ч с подлинно-христианской скромностью относился к этой своей работе. Очень интересно его отношение к ней выражено им в письме к великому князю Николаю Михайловичу: он благодарит его в письме за исполненную просьбу о помощи духовоборам и затем прибавляет:

«Я никак не думал, чтобы эта ужасная война так подействовала на меня, как она подействовала. Я не могу не высказаться о ней и послал статью за границу, которая на днях появится и, вероятно, будет очень не одобрена в высших сферах.

В предпоследнем письме вы писали, что может быть когда-нибудь заехали бы в Ясную Поляну. Как ни приятно бы было мне видеть вас у нас, я думаю, что я настолько неприятное лицо правительству – и в особенности буду теперь, после

моей статьи о войне, — что ваше посещение меня могло бы быть неприятно для вас, и потому считаю нужным предупредить вас об этом».

Статья Л. Н-ча имела большой успех и, несомненно, способствовала просвещению человечества.

Отзывы об этой статье, напечатанной в английских газетах, дошли и до Л. Н-ча, и он записывает в своём дневнике:

«Вчера в «Русск. вед.» суждение о моей статье в Англии. Мне было очень приятно, самолюбиво приятно, и это дурно».

Приведём здесь два из этих отзывов как наиболее характерные (цит. по П.И. Бирюкову):

«Последнее воззвание Толстого представляет один из самых замечательных документов мировой истории. Это пространная и красноречивая проповедь на текст «война есть убийство». На эту тему он проповедует с логическим пренебрежением к самым излюбленным преданиям мира. Он обнажает войну, срывая с неё её украшения, гордость, торжественность, и выставляет её в её голом безобразии к ужасу человечества. «Храбрость», «патриотизм», «военная слава» — всё это для бесстрашного русского реформатора пустые слова, изобретенные для поддержания системы огульной резни, которую люди называют войной... Для цивилизованного человечества, освободившегося или, по крайней мере, отчасти освободившегося от дикого состояния, позорно то, что война, со всеми связанными с нею жестокостями и страданиями, всё ещё считается не бедствием, которому люди подвергаются, а доблестным делом, достойным восхваления» (Freeman's Journal).

«Статья Толстого есть пророческое слово, освещённое светом неземного происхождения. Оно дышит самым духом Христа. Но как ни замечательна эта статья со стороны освещения внутренних условий русской жизни, наш интерес сосредоточивается в борьбе иной, нежели та, которая теперь свирепствует между Россией и Японией. Толстой воплощает самое глубокое сознание современного просвещения. Бог заставляет людей выбирать между Его волей и той животностью, которая до сих пор господствовала среди большинства человечества... Наступает новая заря в эволюции высшего человечества... В словах Толстого есть дух, опасный для всех правительств. Но «когда правители отдаются безнравственному честолюбию и убивают своих братьев, увлекаясь грабительскими войнами, они не должны удивляться, если народ отрекается от них» (The Sunday School Chronicle, 29 June 1904).

Но были и отрицательные отзывы, особенно в России. Например, Софья Дмитриевна Толь (урожд. Толстая, 1854 — 1917) дочь Дмитрия Андреевича Толстого (1823—1889), с 1882 г. министра внутренних дел, шефа жандармов и президента Академии наук, жена графа С. А. Толя, написала Льву Николаевичу письмо с обвинениями в измене «родине» (не значившими для христианина-Толстого ничего) и с более важными: в общем недоброжелательном тоне статьи.

Графиня изрядно сглумила в своём письме: она, судя по ответу Льва Николаевича, наскочила на него и с «обличением» в том, что он отвечает только тем, кто хвалит его в письмах. На деле было, скорее, наоборот: хвалители в своих похвалах чаще всего были предсказуемы и скушны Толстому, а вот ругатели...

Если критика была содержательной и отправитель при этом не «забывал» указать свои имя и обратный адрес – Толстой вполне мог ответить. Ответил он 1 июля и графине, вот как:

«Графиня Софья Дмитриевна, я очень благодарен вам за то, что вы подписались под вашим письмом. А то я часто получаю такого же рода письма и, желая ответить на них, не могу сделать этого. Хочется ответить потому, что особенно больно в мои годы, когда стоишь одной ногой в гробу, знать, что есть люди, которым ты ничего, кроме добра не желаешь, которые ненавидят тебя. Хочется оправдаться, смягчить их.

Вы пишете, что я не отвечу на это письмо, потому что отвечаю только тем, кто меня хвалит. Это не совсем справедливо, я всегда с большим интересом и вниманием читаю письма, осуждающие меня, стараясь извлечь из них пользу. И такую пользу, и очень большую, я извлёк из вашего письма. Вы указали мне на то, что в моей статье есть то, чего не должно быть у христиан — негодования, осуждения. Я и прежде чувствовал это, но ваше письмо ясно указало мне это. Совершенно справедливо, что человек, опирающийся на Христа, должен стараться быть, как Он, кроток и смирен сердцем. А я совсем не то. Не в оправдание себя, но в покаяние себя могу сказать только то, что я слабый человек, далеко не достигший того идеала, к которому, стремлюсь. Я виноват, что тон, дух моей статьи недобрый, но смысл её для меня несомненно истинен, и я буду повторять то же на смертном одре. И уверен я в этом не потому что я верю себе, а потому что верю Христу и закону Бога.

Смягчающим мою вину обстоятельством может хотя немного служить то, что тогда, как вы живёте и Петербурге в среде торжественных приготовлений и воздействий войны, я живу среди несчастного народа, который, живя в крайней нужде, отсылает своих кормильцев на непонятное и ненужное ему побоище, видит только лишения, страдания и смерть. Но я боюсь опять отдаться нехорошему чувству. Лучше замолчу, так как письмо это имеет целью не убеждать вас, а просить забыть те недобрые слова, которые вы написали мне, и вызвать в себе хотя не доброжелательные, но не недоброжелательные ко мне чувства, с которыми свойственно всем людям относиться друг к другу и которые я испытываю к вам, в особенности вспоминая моё свидание с вами где-то вечером в Петербурге, свидание, оставившее во мне самое приятное воспоминание» (75, 136 - 137).

(Толстой действительно встречался с С. Д. Толь в 1878 г. у матери А. А. Толстой — Прасковьи Васильевны Толстой.)

Консервативное, как сама графиня Толь, «Новое время» увидело в публикации статьи Толстого в газете «Таймс» -- пособничество Толстому в «измене родине» в военное время:

«Что сказал бы «Times», если бы во время трансваальской войны какая-нибудь французская газета напечатала статью англичанина, который требовал бы, чтобы англичане положили оружие даже в том случае, если Кап и Дурбан, не говоря уже о Лондоне, попали бы во власть буров? «Times» протестовал бы и основательно. [...]

Для чего же «Times» напечатала статью графа Толстого? Принимая во внимание направление газеты ещё до войны, принимая во внимание, что Англия – союзница Японии – напечатание такой статьи в английской газете является

более чем обыкновенным промахом или наивностью. Это, прежде всего действие достойное порицания» («Новое время». 21 июня (4 июля) 1904 г.).

А насквозь патриотичный «Гражданин» делает из Толстого «злейшего врага и палача» военных «героев», браво служащих злу, олицетворённому в «Государе» и «отечестве», пославшими их сдыхать из-за халтурного неумения и преступного нежелания «государей» жить без войн:

«Каждый понимает, что есть люди, ненавидящие войну, и есть люди, ее идеализирующие; между идущими на войну и геройски умирающими на поле битвы есть ненавидящие идею войны, но из любви к Отечеству и его Государю ставящие эту любовь превыше ненависти к идее войны; это и суть ученики Христовы настоящие, ибо, подражая Его примеру, ненавидят зло, но отдают ему свою жизнь во имя любви к своему отечеству. И вот, думал я, читая строки Толстого, в какую жалкую и мизерную личность съезживается этот носитель крупного гения, с комфортом, в своем кабинете Ясной Поляны, посылающий на войну своим друзьям и братьям по крови и по духу ядовитые слова возмущения и смущения, в минуты, когда, среди лишений и страданий, они геройски исполняют свой долг и умирают за что-то святое, и когда даже дети в многомиллионном народе понимают и чувствуют, что в эти минуты нужны каждому солдату, кроме пищи, оружия и крова, слова любовного ободрения, и что тот, кто, кто в это время смущает его словом, чтобы лишить его ободрения, тот злейший враг и палач этих героев» (Гражданин. 24 июня (7 июля) 1904 г.)

Как будто не дал «ободрения» Толстой тем, кто поневоле, как скот на убой шёл на эту войну!

Всё та же похабная песенка: Толстой многие «мирные» годы пишет и повторяет одно и то же – его не слышат! Он обобщает и повторяет то же самое более ярко, в одной статье, в «годину войны» -- и вот тут-то его, наконец, услышали... и клянут за «предательство», чуть ли не за нравственную и личностную деградацию!

И будто не писан Толстым трактат «Царство Божие...» с опровержениями высокоумных «благословений» войне. «Гражданин» добавляет свои:

«Зачем понадобилось Толстому напечатать в «Times» эту гадкую антипатриотичную статью, я не знаю, но я не вижу в этом ни самопожертвования, ни жертвы собой ради проявления вложенной в него, на пользу другим людям, силы. Тут одно из двух: либо заблуждение, либо преступление. И то и другое требует немедленного осуждения. Если Толстой, как сын православной церкви, не мог быть терпим за свою религиозную ересь, то он едва ли может быть терпим, как русский гражданин и сын великого народа, за свою политическую ересь. Мы переживаем смутное время, у нас идёт разлад и брожение везде и всюду, но если эту смуту вносят в нашу жизнь не инородцы, а лучшие из русских сынов, убелённые сединой старцы, потомки знаменитых родов, что же тогда станут делать враги и пасынки России. разночинцы и интеллигентные босяки? Над этим вопросом не мешает призадуматься. Что-то ужасное творится в нашей русской жизни. Бедствием для нас является не война, а те ужасные годы мира, в которые мы окончательно развратились, ослабели физически и нравственно, опошлись и заметно поглупели. Нет, война – это не бедствие, это наше спасение, это то героическое средство, которое может встряхнуть от корня до вершины ныне ослабевший и отупевший организм. Знает Бог, что делает!» (Гражданин. 1(14) июля 1904 г.)

Да уж! Знает Бог, что делал в 1917 году, убивая Империю, огрызавшуюся таким образом на пророка и спасителя человечества, жестоко преследовавшую его единомышленников, запрещающую его книги.

И, без сомнения, Божье дело будет совершено и ещё раз (жаль, что не к столетию событий 1917-го, а позже): ибо теперешняя наследница Империи и сталинского Совка уже всю собирает на свою голову горящие уголья: и военными авантюрами, и внутренним ограблением и притеснением свобод своих граждан, розыском религиозных «оскорбителей» и «политической ереси»!

Наконец, сволочные «Московские ведомости», плевавшие злобой своих доносов на Льва Николаевича ещё в неурожайном 1891 году, в пору его помощи голодающим крестьянам:

НОВЕЙШИЙ ПАМФЛЕТ гр. ТОЛСТОГО

«В начале настоящей войны известный французский писатель Жюль Кларти обратился к графу Толстому с "открытым письмом", напечатанным в свое время в газете "Times". Письмо это, написанное в изысканных выражениях должно было по наивному мнению автора, поставить гр. Толстого в весьма затруднительное и даже безвыходное положение.

Французский писатель руководился такими соображениями:

«Гр. Толстой безусловный противник войны, но вместе с тем он Русский. Какая, следовательно, должна происходить "буря под его черепом", когда он как философ, должен бороться против войны, а как сын России, должен стать за вооружённую борьбу с её врагами».

Всем, кто сколько-нибудь ближе знает гр. Толстого, должна броситься в глаза явная несообразность такого рассуждения, первая посылка которого настолько же верна, на сколько ошибочна вторая.

Да, гр. Толстой – противник войны; но он давно уже перестал быть Русским, с тех пор, приблизительно, как он перестал быть православным.

А потому настоящая война не могла вызвать в нем никаких "коллизий чувств", и под его черепом не произошло никакой бури, ибо граф Толстой ныне совершенно чужд России, и для него совершенно безразлично, будут ли Японцы владеть Москвой, Петербургом и всей Россией, лишь бы Россия скорее подписала мир с Японией, на каких угодно, хотя бы самых унижительных и постыдных условиях. Так пошло и подло чувствовать, думать и высказываться не может ни один Русский человек, а потому считать Толстого Русским может разве только такой Французик, как Кларти, не имеющий ни малейшего понятия, ни о Русских, ни о России.

Весьма понятно, поэтому, что "открытое письмо" французского писателя нисколько не задело гр. Толстого, который ничего на него и не ответил; зато теперь он выпустил за границей возмутительнейший памфлет против России, с которой он уже окончательно порывает всякие связи. Если он еще живет в пределах России, то это объясняется лишь великодушием Русского Правительства, чтущего еще бывшего талантливого писателя Льва Николаевича Толстого, с которым теперешний старый яснополянский маньяк и богохульник ничего общего, кроме имени, не имеет. [...]

Если бы Правительство сочло возможным сорвать личину с гр. Толстого и показать его русскому народу во всей его безобразной наготе, то этим положением был бы конец всему нашему "толстовству", и тогда, но только тогда, можно было бы представить старому сумасброду спокойно доживать свой век в его Ясной

Поляне и хоронить там свою бывшую славу» (Московские ведомости 10 июля (27 июня) 1904 года).

Эту гадость лучше оставить без комментария! Единомышленники авторов «Московских ведомостей» гуляют нынче по улицам городов путинской Рассеюшки, ищут всё новых и новых «врагов» своего особого «Русского пути» и щеголяют схожими по содержанию и стилю национал-патриотическими высерами в интернете...

Разноречивыми были и мнения о статье Толстого за границей.

Например, передовица вышепомянутой «Times» так критиковала статью Толстого: «Это в одно и тоже время исповедание веры, политический манифест, картина страданий мужика-солдата, образчик идей, бродящих в голове у многих этих солдат и, наконец, любопытный и поучительный психологический этюд. В ней ярко проступает та большая пропасть, которая отделяет весь душевный строй европейца от умственного состояния великого славянского писателя, недостаточно полно усвоившего некоторые отрывочные фразы европейской мысли.

«Daily News» зато встретил статью Толстого восторженными одобрениями. «Вчера Толстой – говорит газета, – выпустил одно из тех великих посланий к человечеству, которые возвращают нас к первым основным истинам, поражающих нас своей удивительной простотой. Толстой, этот великий актив человечества, за последние полвека никогда больше не заслужил благодарности людей, как за это слово своё» (Цит. по: «Русский листок». 20 июня (3 июля) 1904 г.).

* * * * *

Мнения же ИСТИННОЙ, народной и трудовой России об очередной войне – были совсем иными, чем у городских очкатых писорчуков...

В июле месяце Толстого в Ясной Поляне посетил его друг, крестьянин М. П. Новиков. Конечно, разговор их коснулся войны. И Новиков в своих воспоминаниях приводит интересные и сильные отзывы Льва Николаевича об этом ужасном деле. Когда заговорили о войне, он воскликнул:

« — Ужасно, ужасно! И сегодня, и вчера я плакал о тех несчастных людях, которые, забывши мудрую пословицу, что худой мир лучше доброй ссоры, десятками тысяч гибнут изо дня в день во имя непонятной им идеи. Я не читаю газет, зная, что в них описываются ужасы убийств не только не для осуждения, но для явного восхваления их... Но домашние иногда читают мне, и я плачу... Не могу не плакать...»

Л. Н-ч показал Новикову полученное им письмо и предложил ему прочесть его вслух.

В письме этом неизвестный автор описывал, говорит Новиков, как они были хорошо настроены с места, из родного города, и как это настроение совершенно менялось по мере приближения к Манчжурии. «Ехали день, два, неделю, месяц, — говорилось в письме, — всё пустые поля да леса. Чай, семь тысяч проехали, а десяти деревень не видали. Степи и степи. Да на этой земле ещё 10 Рассеев

поселить можно, и то полноты не будет, а китайской землёй поехали — одни горы да камни. И кой рожон нам здесь было нужно, ради чего кровь проливать из-за каких-то гор да камней? Добро бы своей земли не было. Вот когда всё это увидели да раздумали, и мысли другие пошли, и охоты не стало.

— Каково? — спросил Лев Николаевич, когда я кончил чтение. — Народ обмануть хотят, дипломаты уверяют, что иначе никак нельзя было, а мужики едут и решают по-своему, что воевать не из-за чего было.

— Да, ужасно, ужасно! — продолжал Л. Н-ч. — Совершается страшное дело, и никто не сознаёт этого. На днях на дороге догоняет деревенская баба, торопится в город, трое босых ребят с нею. Пошёл вместе, разговорились. Идёт за пособием, вторая получка вышла. «Хлопотали, хлопотали, — говорит, — бегали, бегали, у самого члена три раза были, насилу выдачки дождались». — «Что же, — спрашиваю, — привыкли без хозяина? С получкой, чай, и одни хорошо проживёте. Прежде нужды-то поди больше было?» И-и, как зарывает баба, как зальётся, слова не выговорит. «Мы бы, — говорит, — им последнюю коровёнку отдали, даром что сами в нужде находимся. Пошто, — говорит, — детям-то деньги нужны? Им отец нужен. Они при отце только хороши и веселы. А теперь как цыплята мокрые стали, от хвоста матери не отходят. Шагу тебе ступить не дадут, всюду вяжутся». — «А разве тятка-то не воротится?» — испуганно спрашивает её девочка, утирая глаза и смотря то на меня, то на мать, и я стою, плачу, и они все плачут. Старый дурак я, хотел разговориться, утешить, а вышло — только в грех ввёл» (Толстой. Памятники творчества и жизни. Т. 2. Под ред. В. И. Срезневского. М. 1920, стр. 96, 97).

Но люди, понимая ненужность и вред и этой, и всякой иной войны — всё же повторяют затверженную с детства ложь в оправдание войн и всё же идут служить правительствам... Потому что ещё силен в них обман, потому что — НЕ ОДУМАЛИСЬ. Не первая капля начинающегося дождя, упав на спящего, разбудит его, но, скорее всего, только одна из многих. Так точно и одно из многих и многих напоминаний высшей истины о том, что человек сын Бога и его посланник в мире, и должен служить Богу, своему божественному началу возбуждению в мире Царства Божия, которое есть во всех нас — одно из многих таких напоминаний всё-таки пробудит разумное сознание каждого человека к христианскому пониманию жизни. Этому делу служили многочисленные выступления в печати Льва Николаевича и единомысленных ему современников. Послужит, смеем надеяться, и наш скромный очерк.

«Да, великая борьба нашего времени не та, которая идёт теперь между японцами и русскими, или та, которая может разгореться между белой и жёлтой расами, не та борьба, которая ведётся минами, бомбами, пулями, а та духовная борьба, которая не переставая, шла и теперь идёт между готовым к проявлению просвещенным сознанием человечества и тем мраком и тяжестью, которые окружают и давят его. Христос, тогда ещё, в своё время томился ожиданием и говорил: «Огонь пришёл низвесть я на землю, и как желал бы, чтобы он возгорелся». (Лука XII, 49.)

Чего желал Христос, совершается. Огонь возгорается. Не будем же противиться, а будем служить ему».

«Сомнение о том, угодно ли Богу или нет, что нас начальство заставляет убивать, это искра того огня, который Христос низвёл на землю и который начинает возгораться.

И знать и чувствовать это — великая радость» (36, 147 - 148).

Роман Алтухов

«ОДУМАЙТЕСЬ!»

(По тексту т. 36 Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, с. 100 - 148.
Нумерация страниц сохранена.)

«Ныне ваше время и власть тьмы».

Лука, XXII, 53.

I.

«Только беззакония ваши были средостением между вами и Богом вашим, и грехи ваши закрыли лицо Его от вас, чтобы Он не слышал; потому что руки ваши осквернены кровью и персты ваши беззаконием; уста ваши говорят ложь; язык ваш произносит неправду. Никто не поднимает голоса за правду и никто не судится по истине; уповают на пустое и говорят ложью, зачинают беду и рождают беззаконие.

Дела их суть дела греховные, и руки их производят насилие; ноги их бегут ко злу и спешат проливать невинную кровь; помышления их — помышления греховные; опустошение и гибель на пути их; они не знают пути мира, и нет правосудия на стезях их, они сами искривили свои пути; никто ходящий по ним не знает мира.

Потому-то и далеко от нас правосудие, и правда не доходит до нас; мы ожидаем света, но вот тьма; ждём сияния, но ходим во мраке; ощупываем стену, как слепые, и ощупью ходим, как безглазые, в полдень спотыкаемся, как в сумерки, в темноте, как мертвецы».

Исайя, LIX 2—4, 6—10.

«Ограничимся тем, что напомним, что различные государства Европы накопили долг в 130 миллиардов, из которых около 110 сделано в продолжение одного века, и что весь колоссальный долг этот сделан исключительно для расходов по войне, что европейские государства держат в мирное время в войске более 4 миллионов людей и могут довести это число до 110 миллионов в военное время; что две трети их бюджетов поглощены процентами на долг и содержанием армий сухопутных и морских».

Молинали.

«Но война более уважаема, чем когда-либо. Искусный артист этого дела, гениальный убийца г-н Мольте, такими странными словами отвечал делегатам мира:

— Война свята, божественного учреждения, один из священных законов мира. Она поддерживает в людях все вели-

кие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость; одним словом, спасает людей от отвратительного материализма.

Так что соединиться в стада четырёхсот тысяч человек, без отдыха ходить день и ночь, ни о чём не думать, ничего не изучать, ничему не научиться, ничего не читать, не быть полезным никому, загнивать в нечистоте, спать в грязи, жить как скоты, в постоянном одурении, грабить города, сжигать деревни, разорять народы, потом, встретив такое же другое скопище человеческого мяса, бросаться на него, проливать озёра крови, покрывать поля разорванным мясом и кучами трупов устилать землю, быть искалеченными, быть разможжёнными без пользы для кого бы то ни было и, наконец, издохнуть где-нибудь на чужом поле, тогда как ваши родители, ваша жена и дети дома умирают с голода, — это называется спасать людей от отвратительного материализма».

Гюи де Мопассан.

Опять война. Опять никому не нужные, ничем не вызванные страдания, опять ложь, опять всеобщее одурение, озверение людей.

Люди, десятками тысяч вёрст отделённые друг от друга, сотни тысяч таких людей, с одной стороны буддисты, закон которых запрещает убийство не только людей, но животных, с другой стороны христиане, исповедующие закон братства и любви, как дикие звери, на суше и на море ищут друг друга, чтобы убить, замучить, искалечить самым жестоким образом.

Что же это такое? Во сне это или наяву? Совершается что-то такое, чего не должно, не может быть, — хочется верить, что это сон, и проснуться.

Но нет, это не сон, а ужасная действительность.

Ещё можно понять, что оторванный от своего поля, бедный, неучёный, обманутый японец, которому внушено, что буддизм не состоит в сострадании ко всему живому, а в жертвоприношениях идолам, и такой же бедняга тульский, нижегородский, полутрамотный малый, которому внушено, что христианство состоит в поклонении Христу, Богородице, святым и их иконам, — можно понять, что эти несчастные люди, доведённые вековым насилием и обманом до признания величайшего преступления в мире — убийства братьев — доблестным делом, могут совершать эти страшные дела, не считая себя в них виноватыми. Но как могут так называемые просвещённые люди проповедовать войну, содействовать ей, участвовать в ней, и, что ужаснее всего, не подвергаясь опасностям войны, возбуждать к ней, посылать на неё своих несчастных, обма-

нутых братьев?

Ведь не могут же эти, так называемые просвещённые, люди, не говоря уже о христианском законе, если они признают себя его исповедниками, не знать всего того, что писалось, пишется, говорилось и говорится о жестокости, ненужности, бессмысленности войны. Ведь потому они и считаются просвещёнными людьми, что они знают всё это. Большинство из них сами писали или говорили об этом. Не говоря уже о вызвавшей всеобщее восхваление Гаагской конференции, о всех книгах, брошюрах, газетных статьях, речах, трактующих о возможности разрешения международных недоразумений международными судилищами, все просвещённые люди не могут не знать того, что всеобщие вооружения государств друг перед другом неизбежно должны привести их к бесконечным войнам или к всеобщему банкротству, или к тому и другому вместе; не могут не знать, что кроме безумной, бесцельной траты миллиардов рублей, т. е. трудов людских, на приготовления к войнам, в самых войнах гибнут миллионы самых энергических, сильных людей в лучшую для производительного труда пору их жизни (войны прошлого столетия погубили 14 000 000 людей). Не могут просвещённые люди не знать того, что поводы к войнам всегда такие, из-за которых не стоит тратить не только одной жизни человеческой, но и одной сотой тех средств, которые расходуются на войну (за освобождение негров истрачено в много раз больше того, что стоил бы выкуп всех негров юга).

Все знают, не могут не знать главного, что войны, вызывая в людях самые низкие, животные страсти, развращают, озверяют людей. Все знают неубедительность доводов, приводимых в пользу войн, в роде тех, которые приводил Де-Местр, Молтке и другие, так как все они основаны на том софизме, что во всяком бедствии человеческом можно найти полезную сторону, или на совершенно произвольном утверждении, что войны всегда были и потому всегда будут, как будто дурные поступки людей могут оправдываться теми выводами и пользой, которые они приносят, или тем, что они в продолжение долгого времени совершались. Все так называемые просвещённые люди знают всё это. И вдруг начинается война, и всё это мгновенно забывается, и те самые люди, которые вчера ещё доказывали жестокость, ненужность, безумие войн, нынче думают, говорят, пишут только о том, как бы побить как можно больше людей, разорить и уничтожить как

можно больше произведений труда людей, и как бы как можно сильнее разжечь страсти человеконенавистничества в тех мирных, безобидных, трудолюбивых людях, которые своими трудами кормят, одевают, содержат тех самых мнимо-просвещённых людей, заставляющих их совершать эти страшные, противные их совести, благу и вере дела.

II.

«И Микромегас сказал:

— О, вы, разумные атомы, в которых вечное Существо выразило своё искусство и своё могущество, вы, верно, пользуетесь чистыми радостями на вашем земном шаре, потому что, будучи так мало материальны и так развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь в любви и мышлении, так как в этом настоящая жизнь духовных существ».

На эту речь все философы покачали головами, и один из них, наиболее откровенный, сказал, что, за исключением малого числа мало уважаемых жителей, всё остальное население состоит из безумцев, злодеев и несчастных.

— В нас больше телесности, чем нужно, если зло происходит от телесности, и слишком много духовности, если зло происходит от духовности, - сказал он.

— Так, например, в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других животных в чалмах или убиваемы ими, и так это ведётся с незапамятных времён по всей земле.

— Из-за чего же ссорятся эти маленькие животные?

— Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной с вашу пятку, — отвечал философ, — и ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой не видал этого кусочка земли. Из тех же животных, которые режут друг друга, почти никто не видал того животного, ради которого они режутся.

— Несчастные, — воскликнул Сирианец, — можно ли представить себе такое безумное бешенство! Право, мне хочется сделать три шага и раздавить весь муравейник этих смешных убийц.

— Не трудитесь делать этого, — отвечали ему. — Они сами заботятся об этом. Впрочем, и не их надо наказывать, а тех варваров, которые, сидя в своих дворцах, предписывают убийства людей и велют торжественно благодарить за это Бога».

Вольтер.

«Безумие современных войн оправдывается династическим интересом, национальностью, европейским равновесием, честью.

Этот последний мотив самый дикий, потому что нет ни одного народа, который не осквернил бы себя всеми преступлениями и постыдными поступками, нет ни одного, который не испытал бы всевозможных унижений. Ежели же и существует честь в народах, то какой же странный

способ поддерживать её войной,
то есть всеми теми преступлениями, которыми бесчестит себя честный человек:
поджигательством, грабежами, убийством...»

Анатоль Франс.

«Дикий инстинкт военного убийства
так заботливо в продолжение тысячелетий культивировался и поощрялся,
что пустил глубокие корни в мозгу человеческом.
Надо надеяться однако, что лучшее, чем ваше, человечество,
сумеет освободиться от этого ужасного преступления.

Но что подумает тогда это лучшее человечество
о той так называемой утонченной цивилизации, которой мы так гордимся?

А почти то же, что мы думаем о древнемексиканском народе и его каннибализме,
в одно и то же время воинственном, набожном и животном».

Летурно.

«Иногда один властелин нападает на другого из страха,
чтобы тот не напал на него. Иногда начинают войну потому,
что неприятель слишком силен, а иногда потому, что слишком слаб;
иногда наши соседи желают того, чем мы владеем
или владеют тем, что нам недостает.

Тогда начинается война до тех пор, покуда они захватят то, что им нужно,
или отдадут то, что нужно нам».

Джонатан Свифт.

Совершается что-то непонятное и невозможное по своей
жестокости, лживости и глупости.

Русский царь, тот самый, который призывал все народы к
миру, всенародно объявляет, что, несмотря на все заботы свои о
сохранении дорогого его сердцу мира (заботы, выражавшиеся
захватом чужих земель и усилением войск для защиты этих
захваченных земель), он, вследствие нападения японцев,
повелевает делать по отношению японцев то же, что начали
делать японцы по отношению русских, т. е. убивать их; и
объявляя об этом призыве к убийству, он поминает Бога,
призывая Его благословение на самое ужасное в свете
преступление. То же самое по отношению русских провозгласил
японский император. Учёные юристы, господа Муравьев и
Мартене, старательно доказывают, что в призыве народов ко
всеобщему миру и возбуждении войны из-за захватов чужих
земель нет никакого противоречия. И дипломаты на утончённом
французском языке печатают и рассылают циркуляры, в
которых подробно и старательно доказывают, — хотя и знают,
что никто им не верит, — что только после всех попыток устано-
вить мирные отношения (в действительности, всех попыток
обмануть другие государства) русское правительство вынуждено
прибегнуть к единственному средству разумного разреше-

ния вопроса, т. е. к убийству людей. И то же самое пишут японские дипломаты. Учёные, историки, философы, с своей стороны сравнивая настоящее с прошедшим и делая из этих сопоставлений глубокомысленные выводы, пространно рассуждают о законах движения народов, об отношении желтой и белой расы, буддизма и христианства, и на основании этих выводов и соображений оправдывают убийство христианами людей жёлтой расы, точно так же как ученые и философы японские оправдывают убийство людей белой расы. Журналисты, не скрывая своей радости, стараясь перещеголять друг друга и не останавливаясь ни перед какой, самой наглой, очевидной ложью, на разные лады доказывают, что и правы, и сильны, и во всех отношениях хороши только русские, а не правы и слабы и дурны во всех отношениях все японцы, а также дурны и все те, которые враждебны или могут быть враждебны русским — англичане, американцы, что точно так же по отношению русских доказывается японцами и их сторонниками.

И не говоря уже о военных, по своей профессии готовящихся к убийству, толпы так называемых просвещённых людей, ничем и никем к этому не побуждаемых, как профессора, земские деятели, студенты, дворяне, купцы, выражают самые враждебные, презрительные чувства к японцам, англичанам, американцам, к которым они вчера ещё были доброжелательны или равнодушны, и без всякой надобности выражают самые подлые, рабские чувства перед царём, к которому они, по меньшей мере, совершенно равнодушны, уверяя его в своей беспредельной любви и готовности жертвовать для него своими жизнями.

И несчастный, запутанный молодой человек, признаваемый руководителем 130-миллионного народа, постоянно обманываемый и поставленный в необходимость противоречить самому себе, верит и благодарит и благословляет на убийство войско, которое он называет своим, для защиты земель, которые он ещё с меньшим правом может называть своими. Все подносят друг другу безобразные иконы, в которые не только никто из просвещённых людей не верит, но которые безграмотные мужики начинают оставлять, все в землю кланяются перед этими иконами, целуют их и говорят высокопарно-лживые речи, в которые никто не верит.

Богачи жертвуют ничтожные доли своих безнравственно

нажитых богатств на дело убийства или на устройство помощи в деле убийства, и бедняки, с которых правительство собирает ежегодно два миллиарда, считают нужным делать то же самое, отдавая правительству и свои гроши. Правительство возбуждает и поощряет толпы праздных гуляк, которые, расхаживая с портретом царя по улицам, поют, кричат «ура» и под видом патриотизма делают всякого рода бесчинства. И по всей России, от дворца до последнего села, пастыри церкви, называющей себя христианской, призывают того Бога, который велел любить врагов, Бога-Любовь на помощь делу дьявола, на помощь человекоубийству.

И одурённые молитвами, проповедями, воззваниями, процессиями, картинами, газетами, пушечное мясо, сотни тысяч людей, однообразно одетые, с разнообразными орудиями убийства, оставляя родителей, жён, детей, с тоской на сердце, но с напущенным молодечеством, едут туда, где они, рискуя смертью, будут совершать самое ужасное дело: убийство людей, которых они не знают и которые им ничего дурного не сделали. И за ними едут врачи, сестры милосердия, почему-то полагающие, что дома они не могут служить простым, мирным, страдающим людям, а могут служить только тем людям, которые заняты убийством друг друга. Остающиеся же дома радуются известиям об убийстве людей и, когда узнают, что убитых японцев много, благодарят за это кого-то, кого они называют Богом.

И всё это не только признаётся проявлением высоких чувств, но люди, воздерживающиеся от таких проявлений, если они пытаются образумить людей, считаются изменниками, предателями и находятся в опасности быть обруганными и избитыми озверевшей толпой людей, не имеющих в защиту своего безумия и жестокости никакого иного орудия, кроме грубого насилия.

III.

«Война образует людей,
перестающих быть гражданами и делающихся солдатами.

Их привычки выделяют их из общества,
их главное чувство есть преданность начальнику,
они в лагерях приучаются к деспотизму,
к тому, чтобы достигать своих целей насилием
и играть правами и счастьем ближних;
их главное удовольствие — бурные приключения, опасности.

Мирные труды им противны.

Война сама собой производит войну и продолжает её без конца.
Победивший народ, опьянённый успехом, стремится к новым победам;
пострадавший же народ, раздражённый поражением,
спешит восстановить свою честь и свои потери.

Народы, озлобленные друг против друга взаимными обидами,
желают друг другу унижения, разорения. Они радуются тому,
что болезни, голод, нужда, поражения постигают враждебную страну.

Убийство тысяч людей вместо сострадания вызывает в них восторженную радость:
города освещаются иллюминациями, и вся страна празднует.

Так огрубевает сердце человека и воспитываются его худшие страсти.
Человек отрекается от чувств симпатии и гуманности».

Чаннинг.

«Наступил возраст военной службы, и всякий молодой человек
должен подчиняться не имеющим объяснения приказаниям негодяя или невежды;
он должен поверить, что благородство и величие состоят в том,
чтобы отказаться от своей воли и сделаться орудием воли другого,
рубить и быть рубимым, страдать от голода, жажды, дождя и холода,
быть искалеченным, не зная зачем, без другого вознаграждения,
как чарка водки в день сражения и обещание неосязаемой
и фиктивной вещи — бессмертия после смерти и славы,
которую даёт или в которой отказывает газетчик своим пером, сидя в теплой комнате.

Выстрел. Он раненый падает. Товарищи доканчивают его, топча ногами.
Его закапывают полуживого, и тогда он может наслаждаться бессмертием.
Товарищи, родные забывают его; тот, кому он отдал своё счастье,
своё страдание и свою жизнь, никогда не знал его.

И после нескольких лет кто-нибудь отыскивает его побелевшие кости
и из них делает чёрную краску и английскую ваксу,
чтобы чистить сапоги его генерала».

Альфонс Карр.

«Они берут человека во всей силе, в лучшую пору молодости,
дают ему в руки ружьё, на спину ранец, а голову его отмечают кокардой,
потом говорят ему: «Мой собрат, государь такой-то дурно обошёлся со мной,
и потому ты должен нападать на всех его подданных; я объявил им,
что ты такого-то числа явишься на их границу, чтобы убивать их...»

“Ты, может быть, по неопытности подумаешь, что наши враги — люди,
но это не люди, а пруссаки, французы (японцы);
ты будешь отличать их от человеческой породы по цвету их мундира.

Постарайся исполнить как можно лучше твою обязанность,
потому что я, оставаясь дома, буду наблюдать за тобой.

Если ты победишь, то, когда вы возвратитесь, я выйду к вам в мундире и скажу:
солдаты, я доволен вами. В случае если ты останешься на поле сражения,
что весьма вероятно, я пошлю сведения о твоей смерти твоему семейству,
чтобы оно могло оплакивать тебя и наследовать после тебя.

Если ты лишишься руки или ноги, я заплачу тебе, что они стоят.

Если же ты останешься жив и будешь уже негоден, чтобы носить ранец,
я дам тебе отставку, и ты можешь идти издыхать, где хочешь,
это до меня не касается”».

Клод Гилье.

«И я понял дисциплину, именно то, что капрал всегда прав, когда он говорит о солдате, сержант, когда он говорит с капралом, унтер-офицер, когда он говорит с сержантом, и т. д., до фельдмаршала, хотя бы они говорили, что дважды два — пять.

Сначала это трудно понять, но пониманию этого помогает то, что в каждой казарме висит табличка, и её прочитывают, чтобы уяснить свои мысли. На этой табличке написано всё то, что может желать сделать солдат, как, например, возвратиться в свою деревню, отказаться от исполнения службы, не покориться своему начальнику и прочее, и за всё это обозначены наказания: смертная казнь или пять лет каторжной работы».

Эркман-Шатриан.

«Я купил негра, он мой. Он работает, как лошадь; я плохо кормлю его, так же одеваю и бью его, когда он не слушается. Что же тут удивительного? Разве мы лучше обращаемся со своими солдатами? Разве они не лишены свободы так же, как этот негр? Разница только в том, что солдат стоит гораздо дешевле. Хороший негр стоит теперь, по крайней мере, 500 эку, хороший солдат стоит едва 50. Ни тот, ни другой не может уйти с того места, где их держат, и того и другого бьют за малейшую ошибку; жалование почти одинаковое, но негр имеет преимущество перед солдатом в том, что не подвергает опасности свою жизнь, а проводит её с своей женой и детьми».

(Questions sur l'Encyclopédie, par des amateurs, Art. Esclavage.)

Точно как будто не было ни Вольтера, ни Монтеня, ни Паскаля, ни Свифта, ни Канта, ни Спинозы, ни сотен других писателей, с большой силой обличавших бессмысленность, ненужность войны и изображавших её жестокость, безнравственность, дикость и, главное, точно как будто не было Христа и его проповеди о братстве людей и любви к Богу и людям.

Вспомнишь всё это и посмотришь вокруг себя на то, что делается теперь, и испытываешь ужас уже не перед ужасами войны, а перед тем, что ужаснее всех ужасов, — перед сознанием бессилия человеческого разума.

То, что единственно отличает человека от животного, то, что составляет его достоинство — его разум, оказывается ненужным, бесполезным, даже не бесполезным, а вредным придатком, только затрудняющим всякую деятельность, в роде как узда, сбившаяся с головы лошади и путающаяся в её ногах и только раздражающая её.

Понятно, что язычник грек, римлянин, даже средневековой христианин, не знавший Евангелия и слепо веровавший во все предписания церкви, мог воевать и, воюя, гордиться своим военным званием; но как может верующий христианин или

даже неверующий, но весь невольно проникнутый христианскими идеалами братства людей и любви, которым воодушевлены произведения философов, моралистов, художников нашего времени, как может такой человек взять ружьё или стать к пушке и целиться в толпы ближних, желая убить их как можно больше?

Ассирияне, римляне, греки могли быть уверены, что, воюя, поступают не только согласно с своей совестью, но совершают даже доброе дело. Но ведь, хотим мы или не хотим этого, мы христиане, и христианство, как бы оно ни было извращено, общий дух его, не мог не поднять нас на ту высшую ступень разума, с которой уже мы не можем не чувствовать всем существом своим не только безумия, жестокости войны, но совершенной противоположности всему, что мы считаем хорошим и должным. И потому мы не можем делать того же не только уверенно, твёрдо и спокойно, но без сознания своей преступности, без отчаянного чувства того преступника-убийцы, который, начав убивать свою жертву и сознавая в глубине души преступность начатого дела, старается одурманить, раздражить себя, чтобы быть в состоянии докончить ужасное дело. Всё это неестественное, лихорадочное, горячее, безумное возбуждение, охватившее теперь праздные верхние слои русского общества, есть только признак сознания преступности совершаемого дела. Все эти наглые, лживые речи о преданности, обожании монарха, о готовности жертвовать жизнью (надо бы сказать чужой, а не своей), все эти обещания отстаивания грудью чужой земли, все эти бессмысленные благословения друга друга разными стягами и безобразными иконами, все эти молебны, все эти приготовления простынь и бинтов, все эти отряды сестёр милосердия, все эти жертвы на флот и Красный Крест, отдаваемые тому правительству, прямая обязанность которого в том, чтобы, имея возможность собирать с народа сколько ему нужно денег, объявив войну, завести нужный флот и нужные средства перевязки раненых, все эти славянские напыщенные, бессмысленные и кощунственные молитвы, про произнесение которых в разных городах газеты сообщают, как про важную новость, все эти шествия, требования гимна, крики «ура», вся эта ужасная, отчаянная, не боящаяся обличения, потому что всеобщая, газетная ложь, всё это одурение и озверение, в котором находится теперь русское общество и

которое передаётся понемногу и массам, — всё это есть только признак сознания преступности того ужасного дела, которое делается.

Непосредственное чувство говорит людям, что не должно быть того, что они делают, но как тот убийца, который, начав резать свою жертву, не может остановиться, так и русским людям кажется теперь неопровержимым доводом в пользу войны то, что дело начато. Война начата, и потому надо продолжать её. Так это представляется самым простым, заблудшим, неучёным людям, действующим под влиянием мелких страстей и одурения, которому они подверглись. И точно так же рассуждают самые учёные люди нашего времени, доказывая то, что человек не имеет свободы воли, и потому, если бы он и понял, что начатое им дело нехорошо, он не может остановиться.

И ошалевшие, озверевшие люди продолжают ужасное дело.

IV.

«Удивительно, до какой степени, благодаря дипломатии и журналам, может самое ничтожное несогласие превратиться в священную войну. Когда Англия и Франция объявили войну России в 1856 году, то это произошло по такому ничтожному обстоятельству, что надо долго рыться в дипломатических архивах, чтобы понять эту причину.

А вместе с тем последствиями этого странного недоразумения была смерть 500 тысяч добрых людей и израсходование от 5 до 6 миллиардов.

В сущности, причины были, но такие, в которых не признаются. Наполеон III хотел посредством союза с Англией и счастливой войны утвердить свою преступного происхождения власть; русские хотели захватить Константинополь; англичане хотели утвердить могущество своей торговли и помешать влиянию русских на Востоке.

Под одним или другим видом это всегда тот же дух завоевания и насилия».

Рише.

«Может ли быть что-нибудь нелепее того, что человек имеет право убить меня, потому что он живёт на той стороне реки и что его государь в ссоре с моим, хотя я и не ссорился с ним?»

Паскаль.

«Обитатели земной планеты находятся ещё в таком состоянии нелепости, неразумия, тупости, что каждый день читаешь в журналах цивилизованных стран обсуждение дипломатических отношений глав государств, имеющих целью союзы против предполагаемого врага, приготовление войн, при которых народы позволяют своим руководителям рас-

полагать ими как скотом, ведомым на бойню,
как будто и не подозревая того,
что жизнь каждого человека есть его личная собственность.
Обитатели этой странной планеты все воспитаны в убеждении,
что есть народы, границы, знамёна,
и все имеют такое слабое сознание человечности,
что это чувство совершенно исчезает перед представлением отечества...

Правда, что если бы мыслящие люди сумели согласиться,
это положение изменилось бы,
так как лично никто не желает войны... Но есть такие политические сцепления,
вследствие которых могут существовать миллионы паразитов».

Фламарион.

«Когда изучаешь не поверхностно, но основательно
различные деятельности человеческие,
то нельзя воздержаться от следующего печального размышления:
сколько тратится жизней для продолжения на земле царства зла
и как этому злу содействует больше всего учреждение постоянных армий.

Удивление и чувство печали увеличиваются ещё при мысли о том,
что всё это не нужно, и что это зло,
принимаемое так благодушно огромным большинством людей,
происходит только от их глупости, только оттого,
что они позволяют относительно малому числу людей,
искусных и развращённых, эксплуатировать себя».

Патрис Ларрок.

Спросите у бросившего старых родителей, жену, детей солдата-рядового, ефрейтора, унтер-офицера, зачем он готовится убивать неизвестных ему людей,— он сначала удивится вашему вопросу. Он солдат, присягал и должен исполнять приказания начальства. Если же вы скажете ему, что война, т. е. убийство людей, не сходится с заповедью «не убий», то он скажет: «А как же, коли на наших нападают? За царя, за веру православную». (Один на мой вопрос сказал мне: — А как же, коли он на святыню нападёт? — На какую? — На знамя). Если же вы попытаетесь объяснить такому солдату, что заповедь Бога важнее не только знамени, но всего на свете, то он замолчит или рассердится и донесёт начальству. Спросите офицера, генерала, зачем он идёт на войну, — он скажет вам, что он военный, а что военные необходимы для защиты отечества. То же, что убийство не сходится с духом христианского закона, не смущает его, потому что он или не верит в этот закон или, если и верит, то не в самый закон, а в то разъяснение, которое дано этому закону. Главное же то, что он, так же как и солдат, на место вопроса личного, что ему делать, всегда подставляет вопрос общий о государстве, отечестве. «В теперешнее время, когда отечество в опасности, надо действовать, а не рассуждать», — скажет он.

Спросите дипломатов, которые своими обманами подготавливают войны, зачем они делают это. Они скажут вам, что цель их деятельности в установлении мира между народами и что цель эта достигается не идеальными, неосуществимыми теориями, а дипломатической деятельностью и готовностью к войне. И точно так же, как военные вместо вопроса о своей жизни поставят вопрос общий, так и дипломаты будут говорить об интересах России, о недобросовестности других держав, об европейском равновесии, а не о своей жизни и деятельности.

Спросите журналистов, зачем они своими писаниями возбуждают людей к войне, — они скажут, что войны вообще необходимы и полезны, в особенности же теперешняя война, и подтвердят это своё мнение неясными патриотическими фразами и, точно так же как военные и дипломаты, на вопрос о том, почему он, журналист, определённая личность, живой человек, поступает известным образом, будет говорить об общих интересах народа, государстве, цивилизации, белой расе.

Точно так же объяснят своё участие в деле войны все подготовители её. Они, пожалуй, согласны в том, что желательно было бы уничтожить войну, но теперь это невозможно, теперь они, как русские и как люди, занимающие известные положения предводителя, земца, врача, деятеля Красного Креста, призваны действовать, а не рассуждать. Некогда рассуждать и о себе думать, скажут они, когда есть великое общее дело.

То же скажет кажущийся виновником всего дела царь. Он, так же как солдат, удивится вопросу о том, нужна ли теперь война. Он не допускает даже мысли о том, что можно было бы теперь прекратить войну. Он скажет, что он не может не исполнять того, что требует от него весь народ, что, хотя он и признаёт войну великим злом и употреблял и готов употребить все средства для уничтожения её, в данном случае он не мог не объявить её и не может не продолжать её. Это необходимо для блага и величия России.

Все эти люди на вопрос о том, почему он, такой-то, Иван, Пётр, Николай, признавая для себя обязанность христианского закона, запрещающего не только убийство ближнего, но требующего любви к нему, служения ему, позволяют себе участие в войне, то есть в насилии, в грабеже, убийстве, — одинаково всегда ответят тем, что поступают они так во имя или

отечества, или веры, или присяги, или чести, или цивилизации, или будущего блага всего человечества, вообще чего-то отвлечённого и неопределённого. Кроме того, все эти люди всегда так усиленно заняты или приготовлениями к войне, или распоряжениями, или рассуждениями о ней, что в свободное время могут только отдыхать от своих трудов и не имеют времени заниматься рассуждениями о своей жизни, которые они считают праздными.

V.

«Мысль с ужасом останавливается перед неизбежно ожидающей нас в конце века катастрофой, и надо приготовиться к ней. В продолжение 20 лет (теперь уже более 40) все усилия знания истощаются на то, чтобы изобретать орудия разрушения, и скоро будет достаточно нескольких пушечных выстрелов, чтобы уничтожить целую армию; под ружьём теперь уже не так, как прежде, несколько тысяч продажных бедняков, но народы, целые народы готовятся убивать друг друга. Для того чтобы приготовить их к убийству, разжигают их ненависть, уверяя их, что они ненавидимы, и кроткие люди верят этому, и вот-вот толпы мирных граждан, получив нелепое приказание убивать друг друга, Бог знает из-за какого смешного распределения границ или каких-нибудь торговых, колониальных интересов, бросятся друг на друга с жестокостью диких зверей.

И пойдут они, как бараны, на бойню, зная, куда они идут, зная, что они оставляют своих жён, что дети их будут голодать; но они будут идти, до такой степени опьянённые звучными и лживыми словами, до такой степени обманутые, что, воображая, что бойня составляет их обязанность, будут просить Бога благословить их кровавые дела. И будут они идти, растапывая урожаи, которые они сеяли, сжигая города, которые они строили, с восторженным пением, криками радости, праздничной музыкой, будут идти без возмущения, покорные и смиренные, несмотря на то, что в них сила и что, если бы они могли согласиться, они установили бы здравый смысл и братство вместо диких хитростей дипломатов».

Э. Под.

«Очевидец рассказывает, что он в нынешнюю русско-японскую войну увидал, войдя на палубу Варяга. Зрелище было ужасно. Везде кровь, обрывки человеческого мяса, туловища без голов, оторванные руки, запах крови, от которого тошнило самых привычных. Боевая башня более всех пострадала. Гранату разорвало на её вершине и убило молодого офицера, который руководил наводкой. От несчастного осталась только сжатая рука, державшая инструмент. Из четырёх людей, бывших с командиром, два были разорваны в куски, два другие сильно ранены (это те, о которых я рассказывал и которым отрезали обе ноги и потом должны были ещё раз отрезать их); командир отделался ударом осколка в висок.

И это не всё. Нейтральные не могут принять на свои пароходы раненых, потому что гангрена и горячка заразительны.

Гангрена и гнойные госпитальные заражения составляют вместе с голодом, пожаром, разорениями, болезнями, тифом, оспой тоже часть военной славы, — такова война.

А между тем Жозеф Местр так воспевал благодетеля войны: «Когда человеческая душа вследствие изнеженности теряет свою упругость, становится неверующей и усваивает гнилостные пороки, которые следуют за излишками цивилизации, она может быть восстановлена только в крови».

Господин Вогюе, академик, так же как и г. Брюнетьер, говорят почти то же самое.

Но бедняки, из которых делается пушечное мясо, имеют право не соглашаться с этим.

К несчастью, они не имеют мужества своих убеждений. От этого всё зло.

Привыкнув издавна позволять убивать себя ради вопросов, которые они не понимают, они продолжают это делать, воображая, что всё идет очень хорошо.

От этого-то теперь там лежат трупы, которые под водой поедают морские раки.

В то время когда картечь разбивала всё вокруг них, едва ли они рады были думать, что всё это делается для их блага, чтобы восстановить душу их современников, потерявшую свою упругость от излишка цивилизации.

Несчастные, вероятно, не читали Жозефа Местра.

Я советую раненым читать его между двумя перевязками.

Они узнают, что война так же необходима, как и палач, потому что, как и он, она есть проявление справедливости Бога.

И эта великая мысль будет служить им утешением в то время, когда пила хирурга будет распиливать их кости».

«В «Русских Ведомостях» я прочла рассуждение о том, что выгода России в том, что у нее неистощимый человеческий материал.

Для детей, у которых убьют отца, у жены — мужа, у матери — сына, материал этот истощается скоро».

Hardouin.

(Из частного письма русской матери. Март, 1904 г.)

«Вы спрашиваете, необходима ли ещё война между цивилизованными народами. Я отвечаю: не только уже не необходима, но никогда и не была необходима, никогда.

Она всегда нарушала правильное историческое развитие человечества, нарушала право, задерживала прогресс.

Если последствия войн иногда и бывали выгодны для общей цивилизации, то вредных последствий было гораздо больше.

Мы обманываемся потому, что только часть вредных последствий точас же очевидна. Большая часть их, и самых важных, незаметны нам.

И потому мы не можем допустить слово «ещё».

Допущение этого слова дает право защитникам войны утверждать, что спор между нами есть дело только временного соответствия и личной оценки, и разногласие наше тогда сведется к тому, что мы считаем войну бесполезной, тогда как они считают ее «ещё» полезной. Они охотно согласятся с нами, с такой постановкой вопроса, и скажут, что война, действительно, может сделаться бесполезной и даже вредной, но только завтра, но не нынче; нынче же они считают нужным произвести над народом те страшные кровопускания, называемые войнами, которые

совершаются только для удовлетворения личных честолюбий самого малого меньшинства.

Потому что такова была и такова теперь единственная причина войн: власть, почести, богатства малого числа людей в ущерб массам, естественное легковерие которых и предрассудки, вызываемые и поддерживаемые этим меньшинством, дают эту возможность».

Гастон Мох.

Люди нашего христианского мира и нашего времени подобны человеку, который, пропустив настоящую дорогу, чем дальше едет, тем всё больше и больше убеждается в том, что едет не туда, куда надобно. И чем больше он сомневается в верности пути, тем быстрее и отчаяннее гонит по нём, утешаясь мыслью, что куда-нибудь да выедет. Но приходит время, когда становится совершенно ясно, что путь, по которому он едет, никуда не приведёт, кроме как к пропасти, которую он начинает уже видеть перед собой.

В таком положении находится теперь христианское человечество нашего времени. Ведь совершенно очевидно, что если мы будем продолжать жить так же, как теперь, руководясь как в частной жизни, так и в жизни отдельных государств одним желанием блага себе и своему государству, и будем, как теперь, обеспечивать это благо насилием, то, неизбежно увеличивая средства насилия друг против друга и государства против государства, мы, во-первых, будем всё больше и больше *разоряться*, перенося бóльшую часть своей производительности на вооружение; во-вторых, убивая в войнах друг против друга физически лучших людей, будем всё более и более *вырождаться* и нравственно падать и *развращаться*.

Что это так будет, если мы не изменим нашей жизни, это так же верно, как математически верно то, что две непараллельные линии должны встретиться. Но мало того, что это теоретически верно: в наше время это становится верно уже не для одного рассудка, но и для чувства. Пропать, к которой мы идём, уже становится видна нам, и самые простые, не философствующие, неучёные люди не могут не видеть того, что, всё больше и больше вооружаясь друг против друга и истребляя друг друга на войнах, мы, как пауки в банке, ни к чему иному не можем прийти, как только к уничтожению друг друга.

Искреннему, серьёзному, разумному человеку нельзя уже утешать себя мыслью о том, что дело может исправить, как

это думали прежде, всемирная монархия Рима, Карла Великого, Наполеона, средневековая духовная власть папы, или священные союзы, или политическое равновесие европейского концерта и мирные международные судилища, или, как думали некоторые, увеличение военных сил и вновь изобретённые могущественные орудия истребления.

Устроить всемирную монархию или республику с европейскими штатами невозможно, потому что различные народы никогда не захотят соединиться в одно государство. Устроить международные судилища для решения международных споров? Но кто же заставит подчиниться решению судилища тяжущегося, у которого под ружьём миллионы войска? Разоружиться? Никто не хочет и не может начинать. Придумать ещё более ужасные средства истребления: баллоны с начинёнными удушливыми газами бомбами, снарядами, которыми люди будут посыпать друг друга? Что бы ни придумали, все государства заведутся такими же орудиями истребления, пушечное же мясо, как после холодного оружия шло под пули и после пуль покорно шло под гранаты, бомбы, дальнобойные орудия, картечницы, мины, пойдёт и под высыпаемые из баллонов бомбы, начинённые удушливыми газами.

Ничто очевиднее речей господина Муравьёва и профессора Мартенса о том, что японская война не противоречит Гаагской конференции мира, ничто очевиднее этих речей не показывает, до какой степени среди нашего мира извращено орудие передачи мысли — слово и совершенно потеряна способность ясного, разумного мышления. Мысль и слово употребляются не на то, чтобы служить руководством человеческой деятельности, а на то, чтобы оправдывать всякую деятельность, как бы она ни была преступна. Последняя бурская война и теперь японская, которая всякую минуту может перейти во всеобщую бойню, без малейшего сомнения доказали это. Все антимилитаристические рассуждения так же мало могут содействовать прекращению войны, как самые красноречивые, убедительные, обращённые к грызущимся собакам доводы о том, что им выгоднее разделить тот кусок мяса, за который они грызутся, чем перекусать друг друга и лишиться куска мяса, который унесёт проходящая, не участвующая в драке собака.

Мы разогнались к пропасти и не можем остановиться и летим в неё.

Для всякого разумного человека, думающего о том положении, в котором находится теперь человечество, и о том, к которому оно неизбежно приближается, не может не быть очевидно, что практического выхода из этого положения нет никакого, что нельзя придумать никакого такого устройства, учреждения, которое спасло бы нас от той гибели, к которой мы неудержимо стремимся.

Не говоря уже об экономических неразрешимых и всё усложняющихся и усложняющихся опасностях, взаимные отношения вооружающихся друг против друга держав, всякую минуту готовые разразиться и разражающиеся войнами, ясно указывают на ту неизбежную гибель, к которой влечётся всё так называемое цивилизованное человечество. Так что же делать?

VI.

«Заканчивая свою миссию, Иисус установил основание нового общества. До него народы принадлежали одному или многим господам, как стада принадлежат своим хозяевам...

Князья и сильные давили народ всей тяжестью своей гордости и корыстолюбия. Иисус кладёт конец этому неустройству, поднимает согбенные головы, освобождает рабов. Он научает их тому, что, будучи равными перед Богом, люди свободны друг перед другом, что никто не может иметь сам по себе власти над своими братьями, что равенство и свобода — божественные законы человеческого рода — ненарушаемы; что власть не может быть правом, что в общественном устройстве она есть должность, служение, некоторого рода рабство, свободно принятое на себя в виду общего блага.

Таково общество, которое устанавливает Иисус.

Это ли мы видим в мире? Это ли учение царствует на земле?

Слуги или господа князья народов в нашем мире?

В продолжение 18 веков поколение за поколением передают друг другу учение Христа и говорят, что верят в него; а что же изменилось в мире?

Народы, раздавленные и страдающие, всё ждут обещанного освобождения, и не оттого, чтобы слово Христа было неверно или недействительно, но оттого, что народы или не поняли, что осуществление учения должно совершиться их собственными усилиями, их твёрдой волей, или, заснувши в своём унижении, не сделали того одного, что даёт победу, — не готовы были умереть за истину.

Но они проснутся. Уже что-то шевелится среди них; они слышат уже голос, который говорит: спасение близко».

Ламенэ.

«Нельзя не признать того, что XIX век стремится ступить на новый путь.

Люди этого века начинают понимать, что должны существовать законы и суды и для народов и что преступления народа против народа, хотя и совершаемые

в великих размерах, не менее ненавистны, чем преступление человека против человека».

Кетлэ.

«Все люди одного происхождения, подлежат одному закону и все предназначены к одной цели.

И потому у вас должна быть одна вера, одна цель поступков, одно знамя, под которым все должны сражаться. Поступки, слёзы и мученичество есть общий всему человечеству язык, который понимают все».

Иосиф Мадзини.

«...Нет, призываю в свидетели возмущение совести всякого человека, который видел, как текла кровь его сограждан, или был причиной этого, — недостаточно одной головы, чтобы нести тяжесть стольких убийств. Надо было бы столько же голов, сколько есть сражающихся.

Для того чтобы быть ответственными за закон крови, который они устанавливают, нужно бы было, чтобы они по крайней мере понимали его. Но лучшие учреждения, о которых здесь идет речь, будут всё-таки только временными, потому что, повторяю еще раз, армии и война должны кончиться; не смотря на слова софиста, которого я опровергал в другом месте, неправда, чтобы война даже против чужеземца была священна, неправда, чтобы земля алкала крови. Война проклята Богом и даже теми людьми, которые в ней участвуют и которые испытывают от нее тайный ужас.

Земля же просит у неба воды своих рек и чистой росы её облак».

Альфред де Виньи.

«Человек так же мало сотворён для того, чтобы принуждать, как и для того, чтобы повиноваться.

Люди взаимно портятся от этих двух привычек. Тут одурение, там наглость, и нигде истинного человеческого достоинства».

Консидеран.

«Если бы мои солдаты начали думать, ни один не остался бы в войске».

Фридрих II.

Две тысячи лет тому назад Иоанн Креститель и за ним Христос говорили людям: «исполнилось время и приблизилось царство Божие, одумайтесь (*μετανοείτε*) и веруйте в Евангелие» (Марка I, 15). И «если не одумаетесь, все погибнете» (Луки XIII, 5).

Но люди не послушали его. И та гибель, которую он предсказывал, уже близка. И мы, люди нашего времени, не можем не видеть её. Мы погибаем уже, и потому не можем пропустить мимо ушей того, старого по времени, но нового для нас, средства спасения. Мы не можем не видеть того, что кроме всех других бедствий, проистекающих из нашей дурной, неразумной жизни, одни военные приготовления и неизбежные вследствие них

войны неминуемо должны погубить нас. Мы не можем не видеть, что все придумываемые людьми практические средства избавления от этих зол оказываются и должны оказываться бессильными и что бедственность положения народов, вооружающихся друг против друга, не может не идти всё усиливаясь и усиливаясь. И потому слова Христа, больше чем когда-нибудь и к кому-нибудь, относятся к нам и нашему времени.

Христос говорил: одумайтесь, т. е. каждый человек остановись в своей начатой деятельности и спроси себя: кто ты? откуда ты взялся и в чём твоё назначение? И, ответив на эти вопросы, соответственно ответу реши, свойственно ли твоему назначению то, что ты делаешь. И стоит только каждому человеку нашего мира и времени, то есть человеку, знающему сущность христианского учения, на минуту остановиться в своей деятельности, забыть то, чем его считают люди: императором, солдатом, министром, журналистом, и серьёзно спросить себя: кто он и в чём его назначение, — чтобы усомниться в полезности, законности, разумности своей деятельности.

Прежде чем я император, солдат, министр, журналист, — должен ответить себе всякий человек нашего времени и христианского мира, — прежде всего я человек, т. е. ограниченное существо, посланное высшей волей в бесконечный по времени и пространству мир для того, чтобы, пробыв в нём мгновенье, умереть, т. е. исчезнуть из него. И потому все личные, общественные и даже общечеловеческие цели, которые я могу ставить себе и которые ставят мне люди, вследствие краткости моей жизни, так же как и вследствие бесконечности жизни мира, все ничтожны и должны быть подчинены той высшей цели, для достижения которой я послан в мир. Конечная цель эта, вследствие моей ограниченности, недоступна мне, но она есть (как должна быть цель всего существующего), и моё дело в том, чтобы быть орудием её, то есть назначение моё в том, чтобы быть работником Бога, исполнять Его дело. И поняв так своё назначение, всякий человек нашего мира и времени, от императора до солдата, не может не посмотреть иначе на те обязанности, которые он сам или люди наложили на него.

Прежде чем меня короновали, признали императором, — должен сказать себе император, — прежде чем я обязался исполнять свои обязанности главы государства, я тем самым, что живу, обещаюсь исполнить то, чего требует от меня та

высшая воля, которая послала меня в жизнь. Требования эти я не только знаю, но чувствую в своём сердце. Они состоят в том, как это выражено в христианском законе, который я исповедую, чтобы я покорялся воле Бога и исполнял то, чего она хочет от меня, любил бы ближнего, служил ему, поступал бы с ним, как я хочу, чтобы поступали со мной. То ли я делаю, управляя людьми, предписывая насилия, казни и самое ужасное дело — войны?

Люди говорят мне, что я должен делать это. Бог же говорит, что я должен делать совершенно другое. И потому, сколько бы мне ни говорили, что я, как глава государства, должен руководить насилиями, сборами податей, казнями и, главное, войной, т. е. убийством ближнего, я не хочу и не могу этого делать».

И то же самое должен сказать себе солдат, которому внушено, что он должен убивать людей, и министр, считавший своей обязанностью приготовления, к войне, и журналист, возбуждающий к войне, и всякий человек, задавший себе вопрос о том, что он такое, в чём его назначение в жизни. А как только глава государства перестанет распоряжаться войной, солдат перестанет воевать, министр готовить средства к войне, журналист возбуждать к ней, так без всяких новых учреждений, приспособлений, равновесия, судилищ, само собою уничтожится то безвыходное положение, в которое поставили себя люди не только по отношению к войне, но и ко всем тем бедствиям, которые они сами наносят себе.

Так что, как ни странно это кажется, самое верное и несомненное избавление людей от всех бедствий, которые они сами наносят себе, и от самого ужасного из них — от войны достигается не какими-либо внешними общими мерами, а только тем простым, обращением к сознанию каждого отдельного человека, которое 1900 лет тому назад предлагал Христос, — тем, чтобы каждый человек одумался, спросил себя: кто он? зачем он живёт и что ему должно и что не должно делать?

VII.

«Существует распространённое мнение, что религия не составляет постоянного элемента человеческой природы. Многие говорят нам, что это только один из фазисов мысли и чувства, свойственный людям в ранний и сравнительно некультурный период жизни людей; что это нечто такое, из

чего человек постепенно вырастает и должен оставить позади себя. Мы можем смотреть спокойно на этот вопрос, потому что если религия есть только суеверие, то, очевидно, мы должны вырасти из неё. Если же религия свойственна высшей и лучшей человеческой жизни, то христианское исследование этого вопроса должно показать нам это. Если вы на каждой монете находите отпечаток, и отпечаток этот один и тот же, то вы должны быть уверены, несомненно убеждены, что то, что кладёт отпечаток на каждую монету, есть нечто действительно существующее. Так что везде, где вы находите всеобщее и постоянное характеристическое свойство в человеческой природе или природе какого-либо другого существа, вы можете быть совершенно уверены, что в мире есть нечто соответствующее этому, что вызвало это свойство. Вы находите человека всегда и везде религиозным существом. Вы находите его везде верующим в то, что его окружает неведомый мир. На основании какой бы теории вы ни смотрели на весь мир, мир сделал нас тем, что мы есмь, и если мир не есть обман, то и то, что соответствует этому миру в нас, — есть тоже действительность, потому что действительный мир вызвал в нас эти свойства».

Саведж.

«Религия есть высший и благороднейший деятель в воспитании человека, величайшая сила цивилизации, между тем как внешние проявления веры и политическая эгоистическая деятельность суть главные препятствия прогресса человечества. Деятельность и духовенства и государства противоположны религии. Наше исследование показало, что сущность религии, вечная и божественная, одинаково наполняет сердце человека везде, где только оно чувствует и бьётся.

Логический вывод наших исследований указывает нам на единую основу всех великих религий, на единое учение, развивающееся с самого начала жизни человечества до настоящего дня...»

«В глубине всех вер течёт поток единого, вечного откровения, *единой религии* слова Божьего, обращённого к человеку.

Пускай парсы носят свои таавиды, евреи свои филактерии, христиане свой крест, мусульмане свой полумесяц, но пусть все они помнят, что это только формы и эмблемы, тогда как основная сущность всех религий — любовь к ближнему — одинаково требуется Ману, Зороастром, Буддой, Моисеем, Сократом, Гиллелем, Иисусом, Павлом, Магометом».

Морис Флюгель.

«Ни одно общество не может существовать без общей веры и общей цели; политическая деятельность есть приложение, религия устанавливает принцип. Где нет этой общей веры, там правит воля большинства, состоящая в постоянной пере- менчивости и угнетении остальных. Без Бога можно при- нуждать людей, но нельзя убедить. Без Бога большинство будет тираном, а не воспитателем людей... То, что нам нужно, что нужно народу, то, чего требует наш век для того, чтобы найти выход из той грязи эгоизма, сомнения и отрицания, в которые он погружён, — это вера, в которой наши души могли бы перестать блуждать в отыс- кивании личных целей, могли бы все идти вместе, признавая

одно происхождение, один закон, одну цель. Всякая сильная вера, которая возникнет на развалинах старых, изжитых верований, изменяет существующий общественный порядок, так как каждая сильная вера неизбежно прилагается ко всякой отрасли человеческой деятельности...

Человечество повторяет в различных формулах и различных степенях слова молитвы Господней: «да придет царство Твоё на земле, как и на небе»».

Мадзини.

«Человек может рассматривать себя как животное среди животных, живущих сегодняшним днём, он может рассматривать себя и как члена семьи и как члена общества, народа, живущего веками, может и даже непременно должен (потому что к этому неудержимо влечёт его разум) рассматривать себя как часть всего бесконечного мира, живущего бесконечное время. И потому разумный человек всегда устанавливал, кроме отношения к ближайшим явлениям жизни, своё отношение ко всему бесконечному по времени и пространству и потому непостижимому для него миру, понимая его как одно целое.

И такое установление отношения человека к тому непостижимому целому, которого он чувствует себя частью и из которого он выводит руководство в своих поступках, и есть то, что называлось и называется религией.

И потому религия всегда была и не может перестать быть необходимостью и неустранимым условием в жизни разумного человека и разумного человечества».

«Истинная религия есть такое установленное человеком отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками».

Л. Толстой.

«Религия (рассматриваемая объективно) есть признание всех наших обязанностей заповедями Бога.

Есть только одна истинная религия, хотя может быть много разных вер.

Кант.

Зло, от которого страдают люди нашего времени, происходит оттого, что большинство их живёт без того, что одно даёт разумное руководство человеческой деятельности — без религии; не той религии, которая состоит в вере в догматы, в исполнение обрядов, доставляющих приятное развлечение, утешение, возбуждение, а той религии, которая устанавливает отношение человека ко Всему, к Богу, и потому даёт общее высшее направление всей деятельности человеческой, без которой люди становятся на уровень животных и даже ниже их. Зло это, ведущее людей к неизбежной гибели, проявилось с особенной силой в наше время, потому что, утратив разумное руководство в жизни и направив все свои усилия на открытия и усовершенствования в области знаний преимущественно

прикладных, люди нашего времени выработали себе огромную власть над силами природы; не имея же руководства для разумного приложения этой власти, они естественно стали употреблять её на удовлетворение своих самых низких, животных побуждений.

Лишённые религии люди, обладая огромной властью над силами природы, подобны детям, которым дали бы для игры порох или гремучий газ. Глядя на то могущество, которым пользуются люди нашего времени, и на то, как они употребляют его, чувствуется, что по степени своего нравственного развития люди не имеют права не только на пользование железными дорогами, паром, электричеством, телефонами, фотографиями, беспроволочными телеграфами, но даже простым искусством обработки железа и стали, потому что все эти усовершенствования и искусства они употребляют только на удовлетворение своих похотей, на забавы, разврат и истребление друг друга.

Что же делать? Отбросить все те усовершенствования жизни, всё то могущество, которое приобрело человечество? Забыть то, что оно узнало? Невозможно. Как ни зловредно употребляются эти умственные приобретения, они всё-таки приобретения, и люди не могут забыть их. Изменить те соединения народов, которые образовались веками и установить новые? Придумать такие новые учреждения, которые помешали бы меньшинству обманывать и эксплуатировать большинство? Распространить знания? Всё это испробовано и делается с большим усердием. Все эти мнимые приёмы исправления составляют главное средство самозабвения, отвлечения себя от сознания неизбежной гибели. Изменяются границы государств, изменяются учреждения, распространяются знания, но люди в других пределах, с другими учреждениями, с увеличенными знаниями остаются теми же зверями, готовыми всякую минуту разорвать друг друга, или теми рабами, какими всегда были и будут, пока будут руководиться не религиозным сознанием, а страстями, рассудком и посторонними внушениями.

Человеку нет выбора: он должен быть рабом наиболее бесовестного и наглого, чем другие, раба или — Бога, потому что для человека есть только одно средство быть свободным: это соединение своей воли с волей Бога. Лишённые религии люди, одни, отрицающие самую религию, другие, признающие религией те внешние, уродливые формы, которые заменили её,

и руководимые только своими личными похотями, страхом, человеческими законами и, главное, взаимным гипнозом, не могут перестать быть животными или рабами, и никакие внешние усилия не могут вывести их из этого состояния, потому что только религия делает человека свободным.

А большинство людей нашего времени лишено её.

VIII.

«Не делай того, что осуждает твоя совесть, и не говори того, что несогласно с правдой. Соблюдай это самое важное, и ты исполнил всю задачу своей жизни...»

«Никто не может насиловать твою волю, на неё нет ни вора, ни разбойника; не желай неразумного, желай общего блага, а не личного, как большая часть людей. Задача жизни не в том, чтобы быть на стороне большинства, а в том, чтобы не попасть в ряды умалишённых...»

«Помни, что есть Бог, который хочет не хвалы или славы людской от людей, созданных им по подобию своему, а того, чтобы они, руководясь данным им разумением, поступками своими уподоблялись ему. Ведь смоковница верна своему делу, собака, пчела также. А человек неужели не исполнит своего призвания? Но увы, эти великие святые истины меркнут в памяти твоей: суета ежедневной жизни, война, неразумный страх, немощь духа и привычка быть рабом заглушают их...»

«Ветвь, отрезанная от своего сучка, тем самым отделилась и от целого дерева. Человек при раздоре с другим человеком отрывается от всего человечества. Но ветвь отсекается посторонней рукой, человек же сам отчуждает себя от ближнего своего ненавистью и злобой, не ведая, правда, что он тем самым отрывает себя от всего человечества. Но божество, призвавшее людей, как братьев, к жизни общей, одарило их свободой после раздора снова примиряться между собой».

Марк Аврелий.

«Просвещение есть выход человека из своего, им же самим поддерживаемого ребячества. Ребечество состоит в его неспособности пользоваться своим разумом без руководства другого. Им же самим поддерживается это ребячество тогда, когда причина его лежит не в недостатке разума, но в недостатке решительности и мужества пользоваться им без руководства другого.

Sapere aude.¹

Имей мужество пользоваться собственным разумом. Это девиз просвещения».

Кант.

«Нужно высвободить ту религию, которую исповедывал Иисус, от той религии, предмет которой есть Иисус. И когда

¹ [Имей мужество быть мудрым.]

мы узнаем состояние сознания, составляющую основную ячейку и начало вечного Евангелия, надо будет держаться его.

Как жалкие плашки деревенской иллюминации или маленькие свечи процессии потухают перед великим чудом света солнца, так же потухнут ничтожные, местные, случайные и сомнительные чудеса перед законом жизни духа, перед великим зрелищем человеческой истории, руководимой Богом».

Амиель.

«Я признаю следующее положение не нуждающимся ни в каком доказательстве: всё, что человек думает делать угодно Богу, кроме доброй жизни, есть только религиозное заблуждение и суеверие».

Кант.

«В сущности есть только одно средство почитания Бога — это исполнение своих обязанностей и поведение сообразно с законами разума».

Лихтенберг.

Но для того чтобы уничтожилось то зло, от которого мы страдаем, скажут люди, увлечённые различными житейскими деятельностями, необходимо не несколько людей, а чтобы все люди одумались и чтобы, одумавшись, одинаково поняли назначение своей жизни в исполнении воли Бога и служении ближнему.

Возможно ли это?

Не только возможно, — отвечу я, — но невозможно, чтобы этого не было.

Невозможно людям не одуматься, то есть не поставить себе каждому человеку вопрос о том, кто он такое и зачем живёт, потому что человек, как разумное существо, не может жить, не зная зачем он живёт, и всегда ставил себе этот вопрос и всегда по мере степени своего развития отвечал на него в религиозном учении; в наше же время внутреннее противоречие, в котором чувствуют себя люди, с особенной настоятельностью вызывает этот вопрос и требует на него ответа. Невозможно же людям нашего времени ответить на этот вопрос иначе, как признанием закона жизни в любви к людям и служении им, потому что это единственный разумный для нашего времени ответ о смысле человеческой жизни, и ответ этот 1900 лет тому назад выражен в христианской религии и точно так же известен огромному большинству всего человечества.

Ответ этот в скрытом состоянии живёт в сознании всех людей христианского мира нашего времени, но явно не выражается

и не служит руководством нашей жизни только потому, что с одной стороны люди, которые пользуются наибольшим авторитетом, так называемые учёные, находясь в грубом заблуждении о том, что религия есть временная ступень развития человечества, пережитая им, и что люди могут жить без религии, внушают это заблуждение начинающим образовываться людям из народа; с другой стороны, потому что люди, имеющие власть, сознательно и часто бессознательно (находясь сами в заблуждении о том, что церковная вера есть христианская религия) стараются поддерживать и вызывать в народе грубые суеверия, выдаваемые за христианскую религию.

Только бы уничтожились эти два обмана, и та истинная религия, которая в скрытом состоянии уже живёт в людях нашего времени, стала бы явной и обязательной.

Для того чтобы это совершилось, нужно, чтобы, с одной стороны, люди учёные поняли, что положение о братстве всех людей и правило о делании другим того, чего себе хочешь, не есть случайное, одно из многих человеческих рассуждений, которое может быть подчинено каким-либо другим соображениям, а есть несомненное, стоящее выше других соображений положение, вытекающее из неизменного отношения человека к бесконечному, к Богу, и есть религия и вся религия, и потому всегда обязательно.

С другой стороны, — чтобы те люди, которые сознательно и бессознательно проповедуют под видом христианства грубые суеверия, поняли, что все те догматы, таинства, обряды, которые они поддерживают и проповедуют, не только не безразличны, как они думают, а в высшей степени вредны, скрывая от людей ту единую религиозную истину, которая выражена в исполнении воли Бога, братстве людей, служении людям, и что правило о том, чтобы поступать с другими, как хочешь чтобы поступали с тобой, не есть одно из предписаний христианской религии, а вся практическая религия, как это и сказано в Евангелии.

Для того чтобы люди нашего времени одинаково поставили себе вопрос о смысле жизни и одинаково ответили на него, нужно только людям, считающим себя просвещёнными, перестать думать и внушать другим поколениям, что религия есть атавизм, пережиток прошедшего дикого состояния, и что для хорошей жизни людей достаточно распространения образования,

то есть самых разнообразных знаний, которые как-то приведут людей к справедливости и нравственной жизни; а понять, что для доброй жизни людей необходима религия и что религия эта есть уже и живёт в сознании людей нашего времени; людям же, умышленно и неумышленно одуряющим народ церковными суевериями, перестать делать это и признать, что важно и обязательно в христианстве не крещение, причастие, исповедание догматов и т. п., а только любовь к Богу и ближнему и исполнение заповеди о том, чтобы поступать с другими, как хочешь чтобы поступали с тобой, что в этом весь закон и пророки.

Если бы только поняли это как лжехристиане, так и люди науки и проповедывали бы и детям и неучёным эти простые, ясные и нужные истины так же, как они проповедуют теперь свои сложные, путанные и ненужные положения, все люди одинаково понимали бы смысл своей жизни и признавали бы одни и те же вытекающие из него обязанности.

IX.

Письма крестьянина, отказавшегося от военной службы.

«1895 года Октября 15-го дня я был призван к отбыванию воинской повинности. Когда пришла очередь мне тянуть жребий, я сказал, что жребия тянуть не буду. Чиновники посмотрели на меня, потом поговорили друг с другом и спросили меня, почему я не буду тянуть.

Я отвечал, что это потому, что я ни присягать, ни ружья брать не буду.

Они сказали, что это дело будет после, а жребий тянуть надо.

Я опять отказался. Тогда велели тянуть старосте жребий.

Староста вытянул; оказался № 674. Записали.

Входит воинский начальник, вызывает меня в канцелярию и спрашивает: кто тебя всему этому научил, что ты не хочешь присягать?

Я ответил: сам научился, читая Евангелие.

Он говорит: не думаю, чтобы ты сам понял так Евангелие, ведь там всё непонятно; чтобы понимать, для этого надо много учиться.

На это я сказал, что Христос учил не мудрости, потому что, самые простые, неграмотные люди, и те понимали его учение.

Тогда он сказал солдату, чтобы отправил меня в команду.

С солдатом мы пошли на кухню, там пообедали.

После обеда стали спрашивать меня, почему не присягал?

Я сказал: потому что в Евангелии сказано: «Не клянись вовсе».

Они удивились; потом спросили: да разве это есть в Евангелии? А ну, найди.

Я нашёл, прочитал, они послушали.

— Хотя и есть, а всё-таки нельзя не присягать, потому что замучат.

Я сказал на это: кто погубит земную жизнь, тот наследует жизнь вечную».

«20-го числа меня поставили в ряд с другими молодыми солдатами и рассказали нам солдатские правила. Я им сказал, что я ничего этого делать не буду. Они спросили: почему?

Я оказал: потому что, как христианин, не буду носить оружия и защищаться от врагов, потому что Христос велел любить и врагов.

Они сказали: да разве только ты один христианин? Ведь мы же все христиане.

Я сказал: про других я ничего не знаю, знаю только про себя, что Христос говорил делать то, что я делаю.

Воинский начальник сказал: если ты не будешь заниматься, то я тебя сгною в тюрьме.

На это я сказал: что хотите, то и делайте со мной, а служить я не буду».

«Сегодня смотрела комиссия. Генерал говорит офицерам:

«Какие убеждения находит этот молокосос, что отказывается от службы?

Какие-нибудь миллионы служат, а он один отказывается, его выпороть хорошо розгами, тогда он оставит свои убеждения».

«Ольховика отправили на Амур. На пароходе все говели, он отказался.

Солдаты спрашивали его почему. Он объяснил.

В разговор вмешался солдат Кирилл Середа. Он раскрыл Евангелие и начал читать 5-ю главу Матвея. Прочитавши, начал говорить: вот Христос запрещает клятву, суды и войну, а у нас всё это делается и считается за законное дело.

Тут стояли, столпившись кучей, солдаты и заметили, что у Середы нет на шее креста. Его спросили: а где твой крест?

Он говорит: в сундуке.

Они опять спрашивали: почему же ты его не носишь на шее?

Он говорит: потому что я люблю Христа, а потому и не могу носить того орудия, на котором распят Христос.

Потом вошли два ефрейтора, стали говорить с Середой.

Они сказали ему: почему же ты говел недавно, а теперь сбросил крест?

Он отвечал так: потому что я тогда был тёмный, не видел света, а теперь начал читать Евангелие и узнал, что всё это не нужно делать по-христиански.

Они опять спросили: значит, и ты служить не будешь, как и Ольховик?

Он сказал, что не будет. Они спросили: почему?

Он сказал: потому что я христианин, а христиане не должны вооружаться против людей.

Середу арестовали и вместе с Ольховиком сослали в Якутскую область, где они и теперь находятся».

Из книги «Письма П. А. Ольховика.

«27-го Января 1894 года в больнице Воронежской тюрьмы умер от воспаления лёгких некто Дрожжин, бывший сельский учитель, Курской губернии. Тело его брошено в могилу на острожном кладбище, как кидают туда тела всех пре-

ступников, умирающих в тюрьме. Между тем это был один из самых святых, чистых и правдивых людей, какие бывают в жизни.

В августе 1891 года он был призван к отбыванию воинской повинности, но, считая всех людей братьями и признавая убийство и насилие самым большим грехом, противным совести и воле Бога, он отказался быть солдатом и носить оружие.

Точно так же, признавая грехом отдавать свою волю во власть других людей, могущих потребовать от него дурных поступков, он отказался и от присяги.

Люди, жизнь которых основана на насилии и убийстве, заключили его сначала на год в одиночное заключение в Харькове, а потом перевели в Воронежский дисциплинарный батальон, где в течение 15 месяцев мучили его холодом, голодом и одиночным заключением. Наконец, когда у него

от непрерывных страданий и лишений развилась чахотка

и он был признан негодным к военной службе,

его решили перевести в гражданскую тюрьму, где он должен был отсидеть еще 9 лет заключения. Но при доставлении его из батальона в тюрьму

в сильно морозный день полицейские служители, по не-

брежности своей, повезли его без теплой одежды,

долго стояли на улице у полицейского дома и поэтому так простудили его,

что у него сделалось воспаление легких, от которого он умер через 22 дня.

За день до смерти Дрожжин сказал доктору:

«Жил я хотя не долго, но умираю с сознанием, что поступил по своим убеждениям, согласно с своей совестью. Конечно, об этом лучше могут судить другие.

Может быть.... нет, я думаю, что я прав», — сказал он утвердительно».

Из книги «Жизнь и смерть Дрожжина».

«Облекитесь во всеоружие Божие,

чтобы вам можно было стать против козней диавольских,

потому что наша брань не против крови и плоти,

но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего,

против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противустать в день злый и, всё преодолевши, устоять.

Итак станьте, препоясавшие чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности».

Послание Павла к Эфесянам.

Но как же поступить теперь, сейчас? — скажут мне, — у нас в России в ту минуту, когда враги уже напали на нас, убивают наших, угрожают нам, — как поступить русскому солдату, офицеру, генералу, царю, частному человеку? Неужели предоставить врагам разорять наши владения, захватывать произведения наших трудов, захватывать пленных, убивать наших? Что делать теперь, когда дело начато?

Но ведь прежде чем начато дело войны, кем бы оно ни было начато, — должен ответить всякий одумавшийся человек, — прежде всего начато дело моей жизни. А дело моей жизни

не имеет ничего общего с признанием прав на Порт-Артур китайцев, японцев или русских. Дело моей жизни в том, чтобы исполнять волю Того, Кто меня послал в эту жизнь. И воля эта известна мне. Воля эта в том, чтобы я любил ближнего и служил ему. Для чего же я, следуя временным, случайным требованиям, неразумным и жестоким, отступаю от известного мне вечного и неизменного закона всей моей жизни? Если есть Бог, то Он не спросит меня, когда я умру (что может случиться всякую секунду), отстоял ли я Юнампо с его лесными складами, или Порт-Артур, или даже то сцепление, называемое русским государством, которое Он не поручал мне, а спросит у меня: что я сделал с той жизнью, которую Он дал в моё распоряжение, употребил ли я её на то, на что она была предназначена и под условием чего она была вверена мне? Исполнял ли я закон Его?

Так что на вопрос о том, что делать теперь, когда начата война, мне, человеку, понимающему своё назначение, какое бы я ни занимал положение, не может быть другого ответа, как тот, что никакие обстоятельства, — начата или не начата война, убиты ли тысячи японцев или русских, отнят ли не только Порт-Артур, но Петербург и Москва, — я не могу поступить иначе как так, как того требует от меня Бог, и потому я, как человек, не могу ни прямо, ни косвенно, ни распоряжениями, ни помощью, ни возбуждением к ней, участвовать в войне, *не могу, не хочу и не буду*. Что будет сейчас или вскоре из того, что я перестану делать то, что противно воле Бога, я не знаю и не могу знать, но верю, что из исполнения воли Бога не может выйти ничего, кроме хорошего, для меня и для всех людей.

Вы с ужасом говорите о том, что бы было, если бы мы, русские, сейчас перестали воевать и уступили бы японцам всё то, что они хотят от нас.

Но если справедливо то, что спасение человечества от озверения, самоистребления только в одном: установлении в людях истинной религии, требующей любви к ближнему и служения ему (в чём нельзя не согласиться), то всякая война, всякий час её и моё участие в ней только делает более трудным и отдалённым осуществление этого единственно возможного спасения. Так что даже становясь на вашу шаткую точку зрения — определения поступков по предполагаемым их последствиям, и тогда уступка японцам со стороны русских всего того, чего они хотят от нас, кроме несомненного блага прекращения

разорения и убийства, было бы приближением к единственному средству спасения человечества от его гибели, тогда как продолжение войны, чем бы она ни кончилась, было бы отдалением от единственного средства спасения.

Но если это и так, говорят на это, то прекратиться войны могут только тогда, когда все люди или большинство их откажется от участия в них. Отказ же одного человека, будет ли он царь или солдат, только напрасно, без всякой пользы для кого бы то ни было погубит его жизнь. Откажись теперь русский царь от войны, его свергли бы с престола, может быть, убили бы, чтобы избавиться от него; откажись от военной службы обыкновенный человек, его отдадут в дисциплинарный батальон, а может быть, и расстреляют. Для чего же без всякой пользы губить свою жизнь, могущую быть полезной обществу?— говорят обыкновенно люди, не думавшие о значении всей своей жизни и потому не понимающие его.

Но не то чувствует и говорит человек, понимающий назначение своей жизни, то есть человек религиозный. Такой человек руководится в своей деятельности не предполагаемыми последствиями своих поступков, а сознанием своего назначения в жизни. Фабричный рабочий идёт на фабрику и делает на ней предписанное ему дело без соображения о том, какие будут последствия его работ. Так же поступает солдат, исполняя волю начальства. То же делает религиозный человек, делая то дело, которое предписано ему Богом, не рассуждая о том, что именно выйдет из его работы. И потому для религиозного человека нет вопроса о том, много или мало людей поступают так же, как он, и что с ним может случиться, если он сделает то, что должно. Он знает, что кроме жизни и смерти ничего не будет, а что жизнь и смерть в руках Бога, которому он повинует.

Религиозный человек поступает так, а не иначе, не потому, что он хочет поступить так, или потому, что это выгодно ему или другим людям, а потому, что он, веруя в то, что жизнь его в воле Бога, не может поступить иначе.

В этом особенность деятельности религиозных людей.

И потому-то и спасение людей от тех бед, которые они причиняют сами себе, произойдет только в той мере, в которой они будут руководиться в своей жизни не выгодой, не рассуждениями, а религиозным сознанием.

Х.

«...Божьи люди – это та таинственная соль, которая сохраняет мир, так как вещи мира сохраняются только постольку, поскольку божественная соль не теряет своей силы.

«Потому что если соль потеряет свою силу, чем посолят её? Она не может служить ни для земли, ни для навоза, но её выбросят вон. Кто имеет уши слышать, да слышит».

Что касается нас, то мы преследуемы, когда Бог даёт искусителю власть нас преследовать, но когда Он не хочет нас подвергать страданиям, мы пользуемся чудесным спокойствием даже среди этого мира, который нас ненавидит, и мы полагаемся на покровительство Того, Кто сказал: «имейте доверие, я победил мир».

Цельзий говорит ещё, что «невозможно, чтобы все жители Азии, Европы и Ливии, как греки, так и варвары, согласились бы следовать одному и тому же закону. Думать так, — говорит он, — значит ничего не понимать». Мы же скажем, что это не только возможно, но что придет день, когда все разумные существа соединятся под одним законом.

Потому что Слово или Разум покорит себе все разумные существа и преобразит их в своё собственное совершенство.

Есть болезни и раны телесные, которые не может исцелить никакое врачевание; но не то с недугами души: нет такого зла, излечение которого не было бы возможно для высшего Разума, который и есть Бог».

Ориген против Цельзия.

«Я сознаю в себе силу, которая со временем преобразит мир. Она не толкает и не давит, но я чувствую, как она понемногу и неудержимо влечёт меня.

И я вижу, что меня что-то притягивает так же, как я бессознательно притягиваю других.

Я увлекаю их, и они увлекают меня, и мы сознаём стремление к новому соединению. Стань в прикосновение с центральным магнитом, и ты сам станешь магнитом; и чем больше мы все сознаём своё назначение и свои силы, тем очевиднее образовывается новый мир. Мы становимся законодателями божественного закона, получая его от самого Бога, и человеческие законы вянут и ссыхаются перед нами.

И я спросил ту силу, которая была во мне: кто ты?

И она отвечала: я — Любовь, владыка неба, и хочу быть Любовью — владыкой земли.

Я — могущественнейшая из всех сил небесных, и я пришла, чтобы образовать государство будущего».

Кросби.

«Можно с полным основанием оказать, что пришло к нам Царство Божие уже тогда, когда где-нибудь открыто укоренится принцип постепенного перехода церковной веры во всеобщую разумную религию, хотя бы полное осуществление этого царства было бы от нас бесконечно удалено, потому что в этом принципе, как в развивающемся и потом размножающемся зародыше, содержится уже всё то, что должно просветить мир и овладеть им.

В жизни мира тысячи лет, как один день. Мы должны терпеливо работать над этим осуществлением и ждать его».

Кант.

«Когда я говорю тебе о Боге, то ты не думай, что я говорю тебе о каком-нибудь предмете, сделанном из золота или серебра. Тот Бог, о Котором я тебе говорю, то ты Его чувствуешь в своей душе. Ты носишь Его в самом себе и своими нечистыми помыслами и отвратительными поступками оскверняешь Его образ в своей душе. Перед идолом золотым, которого ты почитаешь за Бога, ты остерегаешься делать что-либо непристойное, а перед лицом того Бога, Который в тебе самом всё видит и слышит, ты даже не краснеешь, когда предаёшься своим гнусным мыслям и поступкам».

«Если бы только мы постоянно помнили, что Бог в нас свидетель всего того, что мы делаем и думаем, то мы перестали бы грешить, и Бог бы неотлучно пребывал в нас. Давайте же вспоминать Бога, думать и беседовать о нём как можно чаще».

Эпиктет.

Но как же быть с врагами, которые нападают на нас?

«Любите врагов ваших, и не будет у вас врага»; сказано в «Учении Двенадцати Апостолов». И ответ этот — не одни слова, как это может казаться людям, привыкшим думать, что предписание любви к врагам есть нечто иносказательное и означает не то, что сказано, а что-то другое. Ответ этот есть указание очень ясной и определённой деятельности и ее последствий.

Любить врагов, японцев, китайцев, тех жёлтых людей, к которым заблудшие люди теперь стараются возбудить в нас ненависть, любить их — значит не убивать их для того, чтобы иметь право отравлять их опиумом, как делали это англичане, не убивать их для того, чтобы отнимать у них земли, как делали это французы, русские, немцы, не закапывать их живыми в землю в наказание за повреждение дороги, не связывать косами и не топить в Амуре, как делали это русские.

«Ученик не бывает выше учителя... Довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его».

Любить жёлтых людей, которых мы называем врагами, значит не учить их под именем христианства нелепым суевериям грехопадения, искупления, воскресения и т. п., не учить их искусству обманывать и убивать людей, а учить их справедливости, бескорыстию, милосердию, любви, и не словами, а примером нашей доброй жизни.

И что же мы делали и делаем с ними?..

Так что если бы мы точно любили врагов, хотя бы теперь начали так любить врагов японцев, у нас не было бы врага.

И потому, как ни странно это может показаться людям, занятым военными планами, приготовлениями, дипломати-

вескими соображениями, административными, финансовыми, экономическими мерами, революционными, социалистическими проповедями и различными ненужными знаниями, которыми они думают избавить человечество от его бедствий, — избавление людей не только от бедствий войн, но и от всех тех бедствий, которые сами себе причиняют люди, сделается не теми императорами, королями, которые будут учреждать союзы мира, не теми людьми, которые свергнут императоров, королей, или ограничат их конституциями или заменят монархии республиками, не конференциями мира, не осуществлением социалистических проектов, не победами и поражениями на суше и на море, не библиотеками, университетами, не теми праздными умственными упражнениями, которые теперь называются наукой, а только тем, что будет всё больше и больше тех простых людей, которые, как духоборы, Дрожжины, Ольховики в России, назарены в Австрии, Гутодье во Франции, Тервей в Голландии и другие, поставив себе целью не внешние изменения жизни, а наиточнейшее исполнение в себе воли Того, кто послал их в жизнь, на это исполнение направят все свои силы. Только эти люди, осуществляя царствие Божие в себе, в своей душе, установят, не стремясь непосредственно к этой цели, то внешнее царство Божие, которого желает всякая душа человеческая.

Спасение произойдёт только одним этим, а не каким-либо другим путем. И потому то, что делается теперь, как теми, которые, управляя людьми, внушают им религиозные и патриотические суеверия, возбуждая их к исключительности, ненависти и человекоубийству, или теми, которые, для избавления людей от порабощения и угнетения, призывают их к насильственным, внешним переворотам или думают, что приобретение людьми очень многих, случайных, большей частью ненужных знаний само собою приведёт их к доброй жизни, — всё это, отвлекая людей от того, что им одно нужно, только отдаляет их от возможности спасения.

Зло, от которого страдают люди христианского мира, — в том, что они временно лишились религии.

Одни люди, убедившись в несоответствии существующей религии и степени умственного и научного развития человечества нашего времени, решили, что религии вообще совсем не нужно никакой, живут без религии и проповедуют бесполез-

ность всякой, какой бы то ни было религии; другие же, держась той извращённой формы христианской религии, в которой она проповедуется теперь, точно так же живут без религии, исповедуя пустые, внешние формы, не могущие служить руководством жизни людей.

А между тем религия, отвечающая требованиям нашего времени, есть и известна всем людям и в скрытом состоянии живёт в сердцах людей христианского мира. И потому, для того чтобы религия эта стала явной и обязательной для всех людей, нужно только то, чтобы учёные люди, руководители масс, поняли, что религия нужна людям, что без религии не могут жить люди доброй жизнью и что то, что они называют наукой, не может заменить религии; люди же, власть имеющие и поддерживающие старую, пустую форму религии, поняли бы, что то, что они поддерживают и проповедуют под видом религии, есть не только не религия, но главное препятствие к тому, чтобы люди усвоили ту истинную религию, которую они уже знают и которая одна может спасти их от их бедствий.

Так что единственно верное средство спасения людей состоит только в том, чтобы перестать делать то, что мешает людям усвоить истинную религию, которая живёт в сознании людей.

ХІ.

«Изумительное и ужасное совершается в сей земле: пророки прорекают ложь, и священники господствуют посредством их, и народу моему нравится это. Но что станете делать в будущем?»

Иеремия V, 30, 31.

«Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце своё, да не видят глазами и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их».

Иоан, XII, 40.

«Самое прекрасное оружие есть неблагословенное оружие. И потому разумный человек не полагается на него. Он больше всего дорожит спокойствием. Он побеждает, но не радуется. Радоваться победе — значит радоваться убийству людей; тот, кто радуется убийству людей, не может достигнуть цели».

Лао-Тсе.

«Если бы путешественник увидал на каком-нибудь отдалённом острове людей, дома которых были бы обставлены заряженными орудиями и вокруг этих домов ходили бы днем

и ночью часовые, он не мог бы не подумать, что на острове живут одни разбойники. Разве не то же о европейскими государствами? Как же мало влияния имеет на людей религия, или как мы еще далеки от истинной религии!»

Лихтенберг.

Я кончал эту статью, когда пришло известие о гибели шестисот невинных жизней против Порт-Артура, Казалось бы, бесполезные страдания и смерть этих несчастных, обманутых, ни за что погибших ужасной смертью людей должны бы образумить тех, которые были причиной этой гибели. Я не говорю о Макарове и других офицерах — все эти люди знали, что и зачем они делают, и добровольно, из-за выгод, из-за честолюбия, прикрываясь очевидной, но не обличаемой только потому, что она всеобщая, ложью патриотизма, делали то, что делали; я говорю о тех несчастных, собранных со всей России людях, которых с помощью религиозного обмана и под страхом наказания, оторвав от их честной, разумной, полезной, трудовой, семейной жизни, загнали на другой конец света, посадили на жестокую и нелепую машину убийства и, разорвав в клочки, потопили вместе с этой глупой машиной в далёком море, без всякой нужды и какой бы то ни было возможности пользы от всех тех лишений, усилий, страданий и смерти, которая их постигла.

В 1830 году, во время польской войны, посланный от Хлопицкого в Петербург адъютант Вылежинский в разговоре с Дибичем, шедшем на французском языке, на поставленное Дибичем условие, чтобы русские войска вступили в Польшу, Вылежинский сказал:

— Monsieur le Marechal, je crois que de cette maniere il est de toute impossibilite que la nation polonaise accepte ce manifeste...

— Croyez-moi, L'Empereur ne fera pas de concessions.

— Je prevoie done qu'il y aura guerre malheureusement, qu'il y aura bien du sang repandu, bien de malheureuses victimes.

— Ne croyez pas cela, tout au plus dix mille hommes qui periront des deux cotes et voila tout. ¹ «Tis mille hommes et

¹ [— Господин маршал, я думаю, что при этих условиях совершенно невозможно, чтобы польский народ согласился принять этот манифест.

— Поверьте, император не сделает уступок.

foila dout» — сказал своим немецким акцентом Дибич, вполне уверенный, что он, вместе с другим, столь же жестоким и чуждым, как и он, русской и польской жизни человеком, Николаем Павловичем, имеет полное право приговорить или не приговорить к смерти десятки, сотни тысяч русских и польских людей.

Не верится тому, что это могло быть, так это нелепо и ужасно, а между тем это было: 60 тысяч жизней кормильцев семей погибло по их воле. И теперь происходит то же самое.

Для того чтобы не пустить Японцев в Манчжурию и выбить их из Кореи, понадобится по всем вероятностям не 10, а 50 и более тысяч. Не знаю, говорят ли словами Николай II и Куропаткин, как Дибич, что для этого нужно *не более 50 тысяч жизней с одной русской стороны и только*, но они это думают, не могут не думать, потому что дело, которое они делают, говорит за себя: тот не перестающий поток везомых теперь тысячами на Дальний Восток несчастных, обманутых русских крестьян, — это те самые *не более 50 тысяч* живых русских людей, которых Николай Романов и Алексей Куропаткин решили убить и будут убивать ради поддержания тех глупостей, грабительств и всяких гадостей, которые делали в Китае и Корее безнравственные, тщеславные люди, сидящие теперь спокойно в своих дворцах и ожидающие новой славы и новых выгод и барышей от убийства этих 50 000 ни в чём не виноватых, ничего не приобретающих своими страданиями и смертями, несчастных, обманутых русских рабочих людей. Из-за чужой земли, на которую русские не имеют никакого права, которая грабительски захвачена у законных владельцев и которая в действительности и не нужна русским, да ещё из-за каких-то тёмных дел аферистов, хотевших в Корее наживать деньги на чужих лесах, тратятся огромные миллионы денег, то есть большая часть трудов всего русского народа, закабаляются в долги будущие

— Тогда я предвижу, что, к несчастью, будет война, много будет пролито крови, много несчастных жертв.

— Напрасно вы думаете так, самое большое погибнет с обеих сторон 10 000 человек, только всего].

Вылежинский прибавляет от себя: «Фельдмаршал не думал тогда, что более 60 000 только русских погибнет в этой войне, не столько от неприятельского огня, сколько от болезней, и что он сам будет в том числе.

поколения этого народа, отнимаются от труда его лучшие работники и безжалостно обрекаются на смерть десятки тысяч его сынов. И погибель этих несчастных уж начинается. Мало того, война ведётся теми, которые затеяли её, так дурно, небрежно: всё так не предвидено, не приготовлено, что, как и говорит одна газета, главный шанс успеха России в том, что у неё неистощимый человеческий материал. На это и рассчитывают те, которые посылают на смерть десятки тысяч русских людей.

Прямо говорится: прискорбные неудачи нашего флота должны быть возмещены на суше. По-русски это значит то, что если начальство дурно распоряжалось на море и погубило своей небрежностью не только народные миллионы, но тысячи жизней, то мы наверстаем это тем, что приговорим к смерти на суше ещё несколько десятков тысяч.

Пешая саранча переходит реки так, что нижние слои тонут до тех пор, пока из потонувших образуется мост, по которому пройдут верхние. Так распоряжаются теперь и с русским народом.

И вот первый нижний слой уж начинает топиться, показывая путь другим тысячам, которые всё так же погибнут.

И что же, начинают понимать свой грех, своё преступление зачинщики, распорядители и возбудители этого ужасного дела? Нисколько. Они вполне уверены, что исполняли и исполняют свою обязанность, и гордятся своей деятельностью.

Толкуют о потере храброго Макарова, который, как все согласны, мог очень искусно убивать людей, сожалеют о потонувшей хорошей машине убийства, стоившей столько-то миллионов рублей, рассуждают о том, какого найти другого, столь же искусного, как бедный, заблудший Макаров, убийцу, придумывают новые, ещё более действительные орудия убийства, и все виновники этого страшного дела, от царя до последнего журналиста, все в один голос взывают к новым безумствам, жестокостям, к усилению зверства и человеко-ненавистничества.

«Макаров не один в России, и каждый поставленный на его место адмирал пойдёт по его следам и будет продолжать план и мысль честно в бою погибшего Макарова», — пишет «Новое время».

«Будем тепло молиться Богу о положивших души свои за святую родину, ни минуты не сомневаясь в том, что она же,

родина наша, даст нам новых, столь же доблестных сынов для дальнейшей борьбы и найдёт в них неисчерпаемый запас сил для достойного окончания дела, — пишут «Петербургские ведомости».

«Зрелая нация не сделает другого вывода из поражения, хотя бы и неслыханного для неё, как тот, что надо продолжать, развить и закончить борьбу. Найдём же в себе новые силы; явятся новые витязи духа», — пишет «Русь». И т. п.

И с ещё большим остервенением продолжают убийства и всякого рода преступления. Восторгаются воинственным духом охотников, которые, застав врасплох 50 своих ближних, перерезали их всех, или заняли селение и перерезали всё население, или повесили, расстреляли обвиняемых в шпионстве, т. е. в том самом деле, которое считается необходимым и не переставая делается с нашей стороны. И о таких злодеяниях доносится торжественными телеграммами главному распорядителю их, царю, который посылает своим доблестным войскам благословение на продолжение таких дел.

Разве не ясно, что если есть спасение из этого положения, то только одно: то, которое проповедует Христос.

Ищите Царствия Божия и правды Его (того, которое внутри вас) *и остальное*, то есть всё то практическое благо, к которому может стремиться человек, само собою осуществится.

Таков закон жизни: практическое благо достигается не тогда, когда человек стремится к этому практическому благу — такое стремление, напротив, большей частью отдаляет человека от достижения того, чего он ищет, — а только тогда, когда человек, не думая о достижении практического блага, стремится к наисовершенному исполнению того, что он перед Богом, перед Началом и Законом своей жизни считает должным. Только тогда, попутно, достигается и практическое благо.

Так что истинное спасение людей одно: исполнение воли Бога каждым отдельным человеком в себе, т. е. в той части мира, которая одна подлежит его власти. В этом главное, единственное назначение каждого отдельного человека, и это вместе с тем единственное средство воздействия на других каждого отдельного человека; и потому на это, и только на это, должны быть направлены все усилия каждого человека.

ХII.

Только что отослал последние листы статьи о войне, как пришло ужасное известие о новом злодеянии, совершённом над русским народом теми легкомысленными, ошалевшими от власти людьми, которые присвоили себе право распоряжаться им. Опять наряженные в разные пёстрые наряды, раболепные и грубые рабы рабов, разных сортов генералы, из-за желания отличиться или насолить один другому, или заслужить право присоединить к своим дурацким пёстрым нарядам ещё звёздочку, побрякушку или ленточку, или по глупости, или по неряшеству, — опять эти ничтожные, жалкие люди погубили в страшных страданиях несколько тысяч тех почтенных, добрых, трудолюбивых рабочих людей, которые кормят их. И опять это злодеяние не только не заставляет задуматься или покаяться виновников этого дела, но и слышишь и читаешь только о том, как бы поскорее ещё искалечить и убить побольше людей и ещё больше разорить семей и русских и японских.

Мало того: чтобы приготовить людей к новым таким же злодеяниям, виновники этих преступлений не только не признают того, что всем очевидно, что для русских это было даже с их патриотической, военной точки зрения постыдным поражением, но стараются внушить легковерным людям, что эти, как скотина на бойню, заведённые в западню несчастные русские рабочие люди, которых перебили и искалечили несколько тысяч только потому, что один генерал не понял того, что сказал другой генерал, — совершили геройский подвиг тем, что те из них, которые не могли убежать, были убиты, а те, которые убежали, остались живы. То же, что один из этих ужасных, безнравственных, жестоких людей, величаемых генералами и адмиралами, потопил множество мирных японцев, расписывается также как великий, доблестный подвиг, долженствующий радовать русских людей. И во всех газетах перепечатывается ужасное воззвание к убийству:

«Пусть две тысячи убитых на Ялу русских солдат вместе с искалеченными «Ретвизаном» и его братьями, с нашими погибшими миноносцами научат наши крейсера, с какими разгромами им надо обрушиться на берега низкой Японии. Она послала своих солдат проливать русскую кровь, и не должно быть ей пощады; теперь нельзя, теперь грешно сентименталь-

ничать, надо воевать, надо наносить такие тяжелые удары, чтобы воспоминание о них веяло холодом на коварные сердца японцев. Теперь-то и время крейсерам выйти в море, чтобы испепелить города Японии, чтобы пронестись ужасным несчастьем вдоль её красивых берегов.

Довольно сентиментальничать».

И начатое ужасное дело продолжается. Продолжаются грабежи, насилия, убийство, лицемерие, воровство и, главное, ужаснейшая ложь: извращение религиозных учений, как христианского, так и буддийского.

Царь, главное ответственное лицо, продолжает делать парады войскам, благодарить, награждать, поощрять, издаёт указ о сборе запасных. Верноподданные вновь и вновь повергают к стопам называемого ими обожжаемым монарха свои имущества и жизни, но на словах только. Сами же, желая отличиться друг перед другом на деле, а не на словах, отрывают отцов, кормильцев от осиротевших семейств, приготавливая их к отправке на бойню. Газетчики, чем хуже положение русских, тем бессовестнее лгут, переделывая постыдные поражения в победы, зная, что никто их не опровергнет, и спокойно собирают деньги за подписку и продажу. Чем больше идёт на войну денег и трудов народа, тем больше грабят всякие начальники и аферисты, зная, что никто их не обличит, потому что все грабят. Военные, воспитанные для убийства, прошедшие десятки лет в школе бесчеловечности, грубости и праздности, радуются, несчастные, тому, что, кроме прибавки содержания, убитые открывают вакансию для их повышения. Христианские пастыри продолжают призывать людей к величайшему преступлению, продолжают кощунствовать, прося у Бога помощи делу войны, и не только не осуждают, но оправдывают и восхваляют того из таких пастырей, который с крестом в руках поощрял людей к убийству на самом месте преступления. И то же происходит в Японии. Ещё с большим рвением, вследствие своих побед, набрасываются на убийство подражающие всему скверному в Европе, заблудшие японцы. Так же делает парады, награждает Микадо. Так же храблятся разные генералы, воображая себе, что они, научившись убивать, научились просвещению. Так же стонет несчастный рабочий народ, отрываемый от полезного труда и семей. Так же лгут и радуются подписке газетчики, и так же, вероятно (так как там, где убийство и

возведено в доблесть, должны процветать всякие пороки), так же, вероятно, наживают деньги всякие начальники и аферисты, и японские богословы и религиозные учителя, не отстающие, как их военные в технике вооружения, и в технике религиозного обмана и кощунства от европейцев, извращают великое буддийское учение, не только допуская, но оправдывая запрещённое Буддой убийство.

Буддийский учёный, начальствующий над 800 монастырями, Сойен Шакю объясняет, что, хотя Будда и запретил убийство, он сказал, что он не будет спокоен до тех пор, пока все существа не будут соединены в бесконечном, любящем сердце, а потому, чтобы привести находящиеся в беспорядке вещи в порядок, нужно воевать и убивать людей.¹

И как будто никогда не существовало христианского и буддийского учения о единстве человеческого духа, о братстве людей, о любви, сострадании, о неприкосновенности жизни человеческой. Люди, уже просвещённые светом истины, и японцы и русские, как дикие звери, хуже диких зверей, бросаются друг на друга с одним желанием уничтожить как можно

¹ В статье сказано: «Тройной мир принадлежит мне. Все вещи в нём мои дети... Все они только отражения моего Я. Все из одного источника... Все части моего тела. Поэтому я не могу быть покоен до тех пор, пока малейшая часть существующего не будет доведена до своего назначения...

Таково отношение Будды к миру, и мы, его смиренные последователи, должны идти по его пути.

Почему же мы сражаемся?

Потому что мир не таков, каким должен быть, потому что есть извращённые существа, ложные мысли, дурно направленные сердца, вследствие невежественной субъективности. И потому буддисты никогда не перестанут воевать со всеми произведениями невежества, и война их продолжится до горького конца. (To the bitter end.) Они не помилуют. (They will show no quarter.) Они уничтожат корни, из которых вытекают несчастья жизни.

Чтобы достигнуть этого, они не пощадят своих жизней».

Дальше идут, так же как у нас, путанные рассуждения о самоотвержении и незлобivosti, переселении душ и многое другое, всё только для того, чтобы закрыть ту простую и ясную заповедь Будды о том, чтобы не убивать.

Далее говорится: «Рука, поднятая для удара, и глаз, берущий прицел, не принадлежат личности, а суть орудия, которыми пользуется Начало, стоящее выше преходящей жизни» и т. д.

(«The Open Court», May, 1904. Buddhist Views of War. The Right Rev. Soyen Shaku).

больше жизней. Тысячи несчастных уже стонут и корчатся от жестоких страданий и мучительно умирают в японских и русских лазаретах, с недоумением спрашивая себя, зачем сделали над ними это ужасное дело, и другие тысячи гниют в земле и над землёй или плавают по морю, распухая и разлагаясь. И десятки тысяч жён, отцов, матерей, детей оплакивают своих ни за что погубленных кормильцев. Но всего этого мало, и готовятся всё новые и новые жертвы. Главная забота начальников убийства в том, чтобы с русской стороны поток пушечного мяса — трёх тысяч человек в день, обречённых на гибель, ни на минуту не прерывался. И о том же озабочены и японцы. Пешую саранчу не переставая гонят в реку, чтобы задние ряды прошли по тем, которые затонут...

Да когда же это кончится? И когда же, наконец, обманутые люди опомнятся и скажут: «да идите вы, безжалостные и безбожные цари, микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты, и как там вас называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдём. Оставьте нас в покое пахать, сеять, строить, кормить вас же, дармоедов». Ведь сказать это так естественно теперь, когда у нас в России идёт плач и вой сотен тысяч матерей, жён, детей, от которых отбирают их кормильцев, так называемых запасных. Ведь эти самые люди, большинство запасных, знают грамоте: они знают, что такое Дальний Восток; знают, что война идёт не из какого-нибудь сколько-нибудь нужного русским людям дела, а за какую-то чужую, *арендовую*, как они говорят, землю, в которой выгодно было строить дорогу и делать свои дела каким-то гадким аферистам; знают или могут знать и то, что их будут бить, как овец на бойне, потому что у японцев последние усовершенствованные орудия убийства, а у нас нет их, так как русское начальство, которое посылает их на смерть, не догадалось вовремя завести таких же орудий, как у японцев. Ведь так естественно, зная всё это, сказать: «да идите вы, те, кто затеял это дело, все вы, кому нужна война и кто оправдывает её, идите вы под японские пули и мины, а мы не пойдём, потому что нам не только не нужно этого, но мы не можем понять, зачем это кому-нибудь может быть нужно».

Но нет, они не говорят этого, идут и будут идти, не могут не идти до тех пор, пока будут бояться того, что губит тело, а не того, что губит тело и душу.

«Убьют ли, искалечат ли в этих каких-то Юнампо, куда гонят нас, — рассуждают они, — ещё неизвестно, может быть, и целы выйдем, да ещё с наградами и торжеством, как те моряки, которых так чествуют теперь по всей России за то, что бомбы и пули японцев попали не в них, а в других; а отказаться, наверное посадят в тюрьму, будут морить голодом, сечь, сошлют в Якутскую область, а то и убьют сейчас же». И с отчаянием в сердце, оставляя добрую, разумную жизнь, жён, детей, они идут.

Вчера я встретил провожаемого матерью и женой запасного. Они втроем ехали на телеге. Он был немного выпивши, лицо жены распухло от слёз. Он обратился ко мне:

— Прощай, Лев Николаевич, на Дальний Восток.

— Что же, воевать будешь?

— Надо же кому-нибудь драться.

— Никому не надо драться.

Он задумался.

— Как же быть-то? *Куда же денешься?*

Я видел, что он понял меня, понял, что то дело, на которое посылают его, дурное дело.

«*Куда же денешься?*» Вот точное выражение того душевного состояния, которое в официальном и газетном мире переводится словами: «За веру, царя и отечество». Те, которые, бросая голодные семьи, идут на страдания и смерть, говорят то, что чувствуют: «*Куда же денешься?*» Те же, которые сидят в безопасности в своих роскошных дворцах, говорят, что все русские готовы пожертвовать жизнью за обожаемого монарха, за славу и величие России.

Вчера я получил от знакомого мне крестьянина одно за другим два письма.

Вот первое:

«Дорогой Лев Николаевич.

— Ну вот, сегодня я получил явочную карту о призыве на службу, завтра должен явиться на сборный пункт. Вот и всё, а там дальше на Дальний Восток под японские пули.

Про моё и горе моей семьи я вам не говорю, вам ли не понять всего ужаса моего положения и ужасов войны. Всем этим вы давно уже переболели и всё понимаете. А как мне всё хотелось у вас побывать, с вами поговорить. Я было написал вам большое письмо, в котором изложил муки моей души, но не успел пере-

писать, как получил явочную карту. Что делать теперь моей жене с четырьмя детьми? Как старый человек, вы, разумеется, не можете интересоваться судьбой моей семьи, но вы можете попросить кого-либо из ваших друзей, ради прогулки, навестить мою осиротелую семью. Я вас прошу душевно, что если моя жена не выдержит муки своего сиротства с кучей ребят и решится пойти к вам за помощью и советом — вы примите её и утешьте: она хоть вас и не знает лично, но верит в ваше слово, а это много значит.

Противиться призыву я не мог, но я наперёд говорю, что через меня ни одна японская семья сиротой не останется. Господи, как всё это ужасно, как тяжело и больно бросать всё, чем живёшь и интересуешься».

Второе письмо такое:

«Милый Лев Николаевич,

Вот, миновал только день действительной службы, а я уже пережил вечность самой отчаянной муки. С 8 часов утра до 9 часов вечера нас толкли и канителили на казарменном дворе, как стадо животных. Три раза повторялась комедия телесного смотра, и все, заявлявшие себя больными, не получили к себе и по 10 минут внимания и были отмечены: «годен». Когда нас, этих годных, 2000 человек, погнали от воинского начальника в казармы, по улице чуть ли не в версту длиной стояла толпа — тысячи родственников, матерей, жён с детьми на руках, и если бы вы слышали и видели, как они цеплялись за своих отцов, мужей, сыновей, и, тащась на их шеях, отчаянно рыдали. Я вообще веду себя сдержанно и владею своими чувствами, но я не выдержал и также плакал...» (На газетном языке это самое выражается так: подъём патриотизма огромный.) «Где та мера, чтобы измерить всё это огульное горе, которое распространится теперь чуть ли ни на одну треть земного шара? А мы, мы теперь пушечное мясо, которое в недалёком будущем не замедлят подставить жертвами богу мщения и ужаса...

Я никак не могу установить внутреннего равновесия. О, как я ненавижу себя за эту двойственность, которая мешает мне служить одному господину и Богу...»

Человек этот недостаточно ещё верит в то, что страшно не то, что погубит тело, а то, что погубит и тело и душу, и потому и не может отказаться; но, покидая семью, вперёд обещается, что через него не осиротится ни одна японская семья. Он верит

в главный закон Бога, закон всех религий: поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. И таких людей в наше время, более или менее сознательно признающих этот закон, не в одном христианском, но и в буддийском, магометанском, конфуцианском, браминском мире не тысячи, а миллионы.

Есть истинные герои — не те, которых чествуют теперь за то, что они, желая убивать других, сами не были убиты, а истинные герои, сидящие теперь по тюрьмам и в Якутской области за то, что они прямо отказались идти в ряды убийц и предпочли мученичество отступлению от закона Христа. Есть и такие, как тот, который пишет мне, которые пойдут, но не будут убивать. Но и то большинство, которое идёт, не думая, стараясь не думать о том, что оно делает, в глубине души уже чувствует теперь, что делает дурное дело, повинуюсь властям, отрывающим их от труда и семьи и посылающим их на ненужное, противное их душе и вере смертоубийство; но идут только потому, что они так опутаны со всех сторон, что «куда же денешься?»

Те же, которые остаются, не только чувствуют, но знают и выражают это. Вчера я встретил на большой дороге порожнем возвращавшихся из Тулы крестьян. Один из них, идя подле телеги, читал листок.

Я спросил:

— Что это, телеграмма?

Он остановился.

— Это вчерашняя, а есть и нынешняя.

Он достал другую из кармана. Мы остановились. Я читал.

— Что вчера на вокзале было, — начал он, — страсть. Жёны, дети, больше тысячи; режут, обступили поезд, не пускают. Чужие плакали, глядучи. Одна тульская женщина ахнула и тут же померла; пять человек детей. Распихали по приютам, а его всё же погнажи... И на что нам эта какая-то Манчжурия? Своей земли много. А что народа побили и денег загубили...

Да, совсем иное отношение людей к войне теперь, чем то, которое было прежде, даже недавно в 77 году. Никогда не было того, что совершается теперь.

Газеты пишут, что при встречах царя, разъезжающего по России гипнотизировать людей, отправляемых на убийство, проявляется неопиcуемый восторг в народе. В действительности же проявляется совсем другое. Со всех сторон слышатся рас-

сказы о том, как там повесилось трое призванных запасных, там ещё двое, там оставшаяся без мужа женщина принесла детей в воинское присутствие и оставила их там, а другая повесилась во дворе воинского начальника. Все недовольны, мрачны, озлоблены. Слова: «за веру, царя и отечество», гимны и крики «ура» уже не действуют на людей, как прежде: другая, противоположная волна сознания неправды и греха того дела, к которому призываются люди, всё больше и больше захватывает народ.

Да, великая борьба нашего времени не та, которая идёт теперь между японцами и русскими, или та, которая может разгореться между белой и жёлтой расами, не та борьба, которая ведётся минами, бомбами, пулями, а та духовная борьба, которая не переставая, шла и теперь идёт между готовым к проявлению просвещённым сознанием человечества и тем мраком и тяжестью, которые окружают и давят его.

Христос, тогда ещё, в своё время томился ожиданием и говорил: «Огонь пришёл низвесть я на землю, и как желал бы, чтобы он возгорелся». (Лука XII, 49.)

Чего желал Христос, совершается. Огонь возгорается. Не будем же противиться, а будем служить ему.

30 Апреля 1904 г.

Я никогда бы не кончил своей статьи о войне, если бы продолжал включать в неё всё то, что подтверждает её главную мысль. Вчера получено известие о затоплении японских броненосцев, и в так называемых высших сферах русского знатного, богатого, интеллигентного общества без всякого зазрения совести, радуются гибели тысячи человеческих жизней. Нынче же я получил от рядового матроса, человека, стоящего на самой низшей ступени общества, следующее письмо:

«Писмо отъ матроса (следует имя, отчество и фамилия).
Многа уважаемаму Леву Николаевичу кланеюсь и Вамъ
нижающая Почтение низкае Поклонъ с любовью
многоуважаемае Левъ некалаевичъ Вотъ и четаль ваше
соченение оно для мене очень была четать Прятна я очень
Любитель Былъ четать ваше соченение такъ Левъ никалаевичъ
унасъ теперь Военая дество какъ Припишите Мне пожалуста
Угодна оно Богу ил нетъ что насъ начальства заставляеть убежать
Прашу я Васъ левъ никалаевичъ Припишите мена Пожалуста
что есть теперя

на свѣти Правда ил нетъ Припишите мнѣ Левъ никалаевичъ унасъ уцеркви Идетъ Малитва Священник поминаетъ Христа-любимае воѣнства Правда эта или нетъ что Богъ Увлубель Воену. Прашу я васъ левъ некалаевичъ нетли увасъ такихъ книжекъ чтобъ и увидалъ есть насвѣти Правда или нетъ Пришлите мне такихъ книжекъ сколка это будетъ стоеть я заплачу Прашу я васъ левъ некалаевичъ неаставте мое прозби когда книжакъ нетъ то пришлите Мне письмо я очень Буду радъ какъ я Получу атъ васъ Письмо Снетерпениямъ буду аждать атъ васъ Писма Теперь да сведане остаюсь живъ издаровъ итого вамъ желаю ота Госпада Бога добраго здорове вделахъ вашихъ хорошаго успеха».

Следует адрес: Порт-Артур, название судна, на котором служит пишуций, звание, имя, отчество, фамилия.

Прямо словами я не могу ответить этому милому, серьёзному и истинно просвещённому человеку. Он в Порт-Артуре, с которым уже нет сообщения ни письменного, ни телеграфного. Но у нас с ним всё-таки есть средство общения. Средство это есть тот Бог, в которого мы оба верим и про которого мы оба знаем, что военное «действие» не угодно Ему. Возникшее в его душе сомнение есть уже и разрешение его.

И сомнение это возникло и живёт теперь в душах тысяч и тысяч людей, не только русских и не только японских, но и всех тех несчастных людей, которые насилем принуждаемы к исполнению самого противного человеческой природе дела.

Гипноз, которым одуряли и теперь стараются одурять людей, скоро проходит, и действие его всё слабеет и слабеет; сомнение же в том, *«угодно ли Богу или нет, что нас начальство заставляет убивать»*, становится всё сильнее и сильнее, ничем не может быть уничтожаемо и всё более и более распространяется.

Сомнение о том, угодно ли Богу или нет, что нас начальство заставляет убивать, это искра того огня, который Христос низвёл на землю и который начинает возгораться. И знать и чувствовать это — великая радость.

8 Мая 1904 г.